

*Детективы
о женщине-спирит*

Ирина **ГРАДОВА**

Смерть навынос

Детективы о женщине-стихии

Ирина Градова

Смерть навывнос

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Градова И.

Смерть навывнос / И. Градова — «Эксмо», 2019 — (Детективы о женщине-стихии)

ISBN 978-5-04-104572-2

Во время приема в своем особняке погибает известная актриса Лариса Бузякина. Все вокруг уверены, что это убийство. Ведь вряд ли Лариса, которая только что чудесно постройнела и получила долгожданную роль в новом фильме, свела бы счеты с жизнью – выпрыгнув с балкона второго этажа. Но кто мог убить безобидную Ларису и почему все нити следствия ведут к аварии, в которую она попала полгода назад?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104572-2

© Градова И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

44

Ирина Градова

Смерть навьнос

© Градова И., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Алла не любила подобных «выходов в свет»: огромный дом, в котором трудно ориентироваться, полно народу, да и ко всему прочему она здесь никого не знала, кроме своей подруги, адвоката Марины Бондаренко. Именно Марине она и была обязана тем, что оказалась в толпе знаменитостей, которых раньше видела только на телеэкране. Продюсеры, певцы и артисты сновали туда-сюда, а Алла скромно стояла в уголке с бокалом шампанского. Она видела бутылку, из которой обслуживающий званый ужин официант разливал вино, и на ней было написано *Veuve Clicquot La Grande Dame*. Алла знала, что этот сорт – один из самых дорогих, и таких бутылок на длинном столе, накрытом в гигантской гостиной, стояло штук двадцать! Она любила хороший алкоголь и не экономила, выбирая его в магазинах, однако никогда еще ей не доводилось пробовать «Вдову Клико». Она много ожидала, ведь в произведениях великих русских писателей все военные и знать пили этот напиток, и Алле всегда было любопытно вкушать то, что так превозносилось. Оказалось, ничего особенного – вино как вино. Что ж, дай бог, чтобы постигшее ее разочарование стало самым тяжелым из всех, которые еще предстоят!

Алла попала в дом Ларисы Бузякиной случайно. Марина, работающая со звездами российского бомонда, должна была пойти со своим бойфрендом, но в последний момент выяснилось, что он едет в срочную командировку. Пропустить вечеринку, где соберется множество ее бывших или потенциальных клиентов, она не могла, как не могла и пойти в одиночестве – не комильфо, как выразилась сама Марина. Вот так Алла и очутилась здесь, в окружении незнакомцев, которые интересовались ею так же мало, как и предметами обстановки. Пару раз она ловила на себе взгляды, но в них читался лишь вопрос: кто эта женщина и что она тут делает? Алла и сама спрашивала себя об этом – с гораздо большим удовольствием она провела бы вечер в компании хорошей книги или даже сериала, в котором снимался кто-то из гостей Бузякиной! А знакомых лиц здесь было предостаточно. Вот, к примеру, известный продюсер Иван Паракневич, которого вся страна узнала в лицо, когда он стал ведущим популярного шоу. Он стоит в толпе молодых актрис, каждая из которых, Алла готова побиться об заклад, мечтает, чтобы он взял над ней шефство. Неподалеку расположилась со своим спутником Лариса Сойкина, популярная поп-композитор, славная не только музыкальным талантом, но и громким разводом с американским медиамагнатом, в результате которого ей удалось стать одной из богатейших женщин Санкт-Петербурга. Разглядывая присутствующих, Алла заметила парочку персонажей таких же, как она. Одним из них был невысокий, крепко сбитый мужчина с седыми висками. Его взгляд блуждал по чудовищных размеров залу, слепящему ярким светом, отраженным в отполированных плитах пола и зеркалах в золоченых рамах. Казалось, этот человек искал кого-то в толпе. Алла увидела болтающийся у него на шее фотоаппарат и предположила, что это – приглашенный фотограф, который должен снимать на камеру происходящее. Только он почему-то не торопился, вместо работы разглядывая гостей. На мгновение их глаза встретились, но он почти тут же отвернулся.

Другая не подходящая к обстановке фигура, молодая девушка, одетая в джинсы и хлопковый кардиган, стояла в уголке, рядом с висящей на стене неплохой копией «Весны» Боттичелли. Незнакомка выглядела чужеродным пятном среди разодетых по последней моде гостей

вечеринки, а ее взгляд, как показалось Алле, был напряженным, словно она находилась здесь помимо собственной воли.

Может, она тоже здесь случайно? Пришла с кем-то, кому не удалось найти себе пару, и этот кто-то даже не удосужился предупредить ее о дресс-коде, подходящем к случаю? А потом удалился общаться со знакомыми и друзьями, оставив бедняжку в одиночестве, с ощущением абсолютной невидимости для окружающих?

Алла украдкой бросила взгляд в ближайшее зеркало – по крайней мере, она-то хоть одета «по форме»! Ни один из ее привычных нарядов «похоронных» тонов для визита в дом знаменитости не годился. Решившись сесть на диету, Алла слегка освежила гардероб, купив несколько вещей более жизнерадостных цветов, и все же они не были рассчитаны на «парадный» выход. Просьба Марины сопроводить ее на банкет стала неожиданностью, и Алле пришлось перерыть весь шкаф, чтобы наконец остановиться на фиалковом костюме, выгодно подчеркивающим яркость ее глаз. Она приобрела обновку с намерением понравиться одному человеку, но так и не решилась продемонстрировать ее ему, спрятав в дальний угол в надежде, что когда-нибудь ее время придет. И оно таки пришло!

В этот самый момент по толпе гостей прокатился гул оживления. Поставив бокал на низенький столик – как пить дать антикварный, – Алла поспешила в середину зала, чтобы посмотреть, что происходит. А посмотреть было на что! По высокой мраморной лестнице медленно и величаво двигалось видение, закутанное в небесно-голубое платье, отороченное норковым мехом. Шелковый подол тихо шелестел, перекатываясь со ступеньки на ступеньку, словно океанская волна. Но не платье привлекло внимание Аллы (хотя, конечно же, она не могла не отдать должное портному, соорудившему такое произведение искусства), а тело, которое оно облегало. Алле не часто удавалось смотреть отечественные сериалы. Не то чтобы она их не любила – напротив, некоторые казались даже захватывающими, – но она много работала и зачастую не успевала включить телевизор. Тем не менее последний фильм Бузякиной она не пропустила.

Лариса никогда не была красавицей, но именно это, по мнению многих, делало ее такой популярной: Бузякина выглядела как обыкновенная женщина из народа, и любая телезрительница легко отождествляла себя с ее героинями. Единственным, чем Лариса действительно могла гордиться, была ее фигура. Ей непостижимым образом удавалось оставаться стройной и сохранять высокую грудь и лебединую шею. Алла подозревала, что актриса, скорее всего, прибегала к услугам пластических хирургов, но, в отличие от лица, тело обмануть трудно. Алла во все глаза глядела на даму, с горделивой улыбкой спускающуюся со второго этажа, словно ангел с небес. Она была не просто стройна – воздушно невесома в волшебном платье, облегающем ее, словно вторая кожа (штамп, но что поделать, если иное сравнение просто в голову не лезло!). Как, черт подери, ей это удастся?! Вот уже несколько месяцев Алла прилагает прямо-таки нечеловеческие усилия, пытаясь убрать лишние килограммы, а Бузякина, несмотря на то что она на десять лет старше, обладает фигурой двадцатилетней! Если бы они были хотя бы шапочно знакомы, Алла обязательно спросила бы актрису, в чем ее секрет, однако в данных обстоятельствах такое не представлялось возможным.

Толпа гостей сомкнулась вокруг Бузякиной, словно нахлынувший прибой, и на какое-то время Алла потеряла ее из виду.

– Хороша, да? – услышала она голос за спиной и вздрогнула от неожиданности: это неслышно подошла Марина. – И не скажешь, что ей скоро полтинник, верно?

– Ага, – пробормотала Алла, надеясь, что ее зависть не столь очевидна подруге, как ей самой.

– Только вот, на мой взгляд, тощевата! – продолжала подруга, покачивая головой в мелких кудряшках. – Кожа да кости, честное слово, – и зачем же было себя так изводить?!

Марина весила добрых пару центнеров, но при этом умудрялась нравиться и себе, и окружающим. Глядя на подругу, Алла лишний раз убеждалась, что мир воспринимает тебя так, как ты ему позволяешь. В отличие от вечно недовольной собой Аллы, Марина пребывала в уверенности, что на свете не существует женщины более желанной, чем она. Она умело подбирала наряды в магазинах «Размер Плюс» или шила их на заказ, выглядя не хуже, чем дамы гораздо менее корпулентные.

– Судачат, – говорила между тем Марина, – что Бузякина провела последние месяцы в клинике, где лечат от ожирения.

– Где?! – изумленно переспросила Алла.

– В клини... .

– Да слышала я, только зачем ей могло это понадобиться?

– Говорят, Лариса всего за несколько месяцев набрала полста кило, – спокойно пояснила подруга.

– Нет, я бы видела... .

– А она все это время не появлялась на публике. Не снималась, не посещала ток-шоу... .

– Так откуда тебе-то это известно?

– Я, милая моя, в отличие от тебя, общаюсь со сливками общества, а шила в мешке не утаишь! – авторитетно изрекла адвокатесса. – Не понимаю только, почему Бузякина открещается от попыток похудеть – что тут такого? Когда спрашивают, твердит, что справилась диетой и фитнесом, но я не верю. Клиника была, точно тебе говорю, иначе где Бузякина пропадала так долго? Съёмки последнего фильма закончились несколько месяцев назад, и с тех пор Ларисы нигде не было видно, а ведь раньше она постоянно светила в разных телепроектах. Такие клиники – закрытые учреждения, и пациент оторван от своего окружения, чтобы, не дай бог, не сорвался и не ушел в крутое пике, поедая торты и пирожные вместо того, чтобы питаться сельдереем и морковкой! Как будто о наркошах речь, да?

Алла молча кивнула. Действительно, привычка решать проблемы при помощи услаждения желудка сродни наркозависимости – уж ей-то это известно, как никому другому! С тех пор как два года назад Алла рассталась с человеком, которого много лет считала своим гражданским мужем, она словно с цепи сорвалась, закидывая в желудок все, что видели ее глаза. А они главным образом видели мучное, сладкое и жирное – другими словами, все то, что есть не рекомендуется. За пару лет Алла, достаточно стройная женщина, набрала сорок лишних килограммов. Вместо того чтобы спохватиться и заняться собственным состоянием, она поступила так, как поступает большинство людей, к которым не без оснований прилепляется неприятное слово «толстяк»: выкинула весы, старалась пореже глядеться в зеркало и продолжила разнужданную «пищевую политику». Алла игнорировала ухудшение здоровья, одышку, постоянную тяжесть в животе и неудовлетворенность собственной внешностью. Так продолжалось до тех пор, пока она не познакомилась с Мономахом. Он без обиняков, не стесняясь в выражениях, как и пристало человеку его профессии, объяснил, чего ей стоит ожидать в ближайшие десять лет, если она не прекратит жрать что попало. Возможно, жесткие слова доктора не упали бы на благодатную почву, если бы он не заинтересовал Аллу не только как врач, но и как мужчина. Ей пришлось пересмотреть свою доктрину под названием «принимайте меня такой, какая я есть, или идите к черту».

– Слушай, – сказала она вслух, обращаясь к подруге, – а откуда у Бузякиной такой домина, а? Разве на телевидении можно столько заработать?

Марина коротко хохотнула.

– Нет, конечно! Даже Волочкова построила свою «хижину» на деньги любовников, а она зашибает куда больше Бузякиной!

– И у нее – любовники? – с сомнением пробормотала Алла.

– Насколько мне известно, дом покупал ее муж.

– Она замужем?

– Ну ты темнота, подруженька! – развела руками Марина, осуждающе глядя на Аллу. – Что, совсем телик не смотришь?

Алла не стала отвечать на риторический вопрос, ведь Марина отлично знала, что меньше всего ее интересуют светские новости и сплетни.

– Бузякина замужем за Борисом Томиным, – со вздохом пояснила адвокатесса.

– погоди, за тем самым, за которым охотится ОБЭП?

– За ним.

– Так он же вроде в бегах?

– Ага. То ли на Кипре, то ли в Малайзии. Отдел по борьбе с экономической преступностью уже года три парится, только вот доказательная база хромает на все четыре лапы!

– Тогда зачем скрываться?

– На всякий пожарный – а вдруг они таки нароют на него достаточно компромата? Тут всего-то необходим один-единственный человек, который его сдаст. Может, конкурент какой или, скажем, бывший партнер.

– Так они что, до сих пор в браке, но живут отдельно? – недоуменно спросила Алла. – Как такое возможно?

– Ой, подруженька, чего в наши дни не случается!

– Неужели их связывает такая большая любовь?

– Скорее такое большое бабло.

– Фи, какая же ты прожженная материалистка!

– Жизнь научила! Между прочим, большая часть недвижимости Томина записана на Бузякину – вот и еще одна причина, по которой к нему так сложно подобраться. К ней-то претензий нет, она актриса, в бизнесе ни черта не смыслит. Говорят, Томин «наколел» партнера. Его дела резко пошли в гору, а до того он был всего лишь дельцом средней руки, с которым серьезные люди никаких дел иметь не желали.

– Если он так необходим ОБЭПу, почему они не возьмут этого партнера, не притащат в отдел и не заставят рассказать все о Томине? Он только рад будет отомстить!

– Вот уж этого, прости, не знаю, – развела руками Марина. На ее полных запястьях звякнули золотые браслеты: подруга была равнодушна к побрякушкам. Зато Алле не приходилось каждый раз ломать голову, что подарить ей на день рождения! – На самом деле все, что тебе рассказала, – сплетни и слухи, доподлинно ничего не известно и, как говорите вы, «комитетские», к делу это не пришьешь.

– Я не имею никаких дел с ОБЭПом! – запротестовала Алла, испугавшись, как бы подруга не заподозрила ее в попытке шпионажа. – Там работают неприятные ребята, и у меня и в мыслях не было...

– Да ладно, забей! – усмехнулась Марина.

В этот момент толпа, окружавшая Бузякину, снова заволновалась и потянулась к дверям.

– О, глянь, – адвокатесса толкнула Аллу в бок локтем, – похоже, кушать подано!

– Как... А это все – куда? – растерялась та, обводя взглядом накрытые столы, ломившиеся от бутылок с шампанским, блюд с крошечными «дизайнерскими» канапе, гигантскими оливками и перцами, фаршированными сыром, анчоусами и креветками.

– Так это закуски были, – пожала плечами Марина. – А теперь черед ужина!

Столовая оказалась еще шикарнее, нежели зал, в котором подавались закуски: просторное помещение, уставленное по периметру белыми витринами, заполненными дорогими безделушками, вазочками и расписными блюдами. На Аллин вкус, как-то чересчур уж помещански, но кто она такая, чтобы судить других?

При виде блюд на столе у Аллы разбежались глаза: наверное, такое изобилие она видела только в кино! Здесь была икра, красная и черная, в хрустальных розетках, рассыпанных по

белоснежной скатерти, словно частые узоры; нарезанные тонкими ломтиками лосось и семга, белый палтус и тонкий, напоминающий змею угорь, а также королевские креветки в кляре и винном соусе. Овощи горками громоздились рядом с морепродуктами, а уж от разнообразия салатов мозг и вовсе взрывался. Господи, как же ее диета?! Алла беспомощно оглянулась на Марину, карие глаза которой горели плотоядным огнем, и она вряд ли замечала растерянность подруги. Алла с тоской подумала об овощах на пару и кабачковой запеканке, ожидавших ее в холодильнике по соседству с утиной грудкой и рублеными котлетками из курицы со шпинатом – они не выдерживали сравнения с праздником желудка, предлагаемым Бузякиной гостям. Станный, чуть остекленевший взгляд актрисы ненадолго задержался на незнакомом лице, словно она мысленно спросила себя, кто Алла такая, но и только – в помещении было полно людей, которых Лариса либо не знала вовсе, либо видела от силы несколько раз в жизни. Каждый из знакомых Бузякиной привел с собой пару, и хозяйку приема не заботило, что каждый второй человек за столом – незнакомец.

Усевшись рядом с Мариной, Алла еще раз оглядела стол. Что же из представленного тут изобилия можно есть? Возможно, морские гады не повредили бы, не будь в них столько калорийного соуса. В последнее время процесс похудения замедлился. Диетолог по фамилии Добрая (а на самом деле настоящий Пиночет, ведь она так сурово отчитывает Аллу за каждую лишнюю калорию!) об этом предупреждала.

«Поначалу, – говорила она, буравя Аллу своими небольшими серыми глазками под толстыми стеклами очков, – процесс пойдет быстро, но со временем организм привыкнет к стрессу и начнет «запасаться» впрок. Не нужно этого бояться – рано или поздно произойдет очередной толчок и вы продолжите сбрасывать лишние килограммы». Легко ей рассуждать – сама-то тощая, как палка!

Алла поглядела направо, потом налево: вокруг нее народ с аппетитом жевал. Марина даже глаза закрыла, так ей было вкусно!

– Слушай, я ведь так и не спросила, по какому случаю вечеринка, – шепнула Алла, склонившись к уху подруги. – Что празднуем?

Адвокатесса вздрогнула от неожиданности, и на мгновение на ее гладком, полном лице появилось недовольное выражение, ведь ее оторвали от поглощения деликатесов. Люди вокруг ели так, словно прибыли из голодного края, а ведь это в основном состоятельные и известные личности. Вот она, сила халявы!

– Начало съемок нового фильма, – пояснила между тем Марина, прожевав очередной кусок и запив его изрядным глотком «Вдовы Клико». – Вон, видишь, на том конце стола Ивакова сидит с кислой физией?

– Кто такая Ивакова? – поинтересовалась Алла, крутя головой в поисках лица, наиболее соответствующего описанию подруги.

– Ой, какая же ты... Ольга Ивакова, актриса. Ну ты что, никогда ее не видела?

– Может, и видела, только вот не помню, как она выглядит.

– В лиловом платье, – со вздохом пояснила Марина. – С жуткой пластиковой брошкой. Теперь видишь?

– Ага. И чего эта Ивакова такая невеселая?

– Так роль же ей обещали, прикинь? У нее все шансы были, ведь она на десять лет моложе!

– А как вышло, что ее заменила Бузякина? – удивилась Алла.

– Ларису изначально прочили на эту роль. Исторический пеплум – популярный нынче жанр, а для Бузякиной – еще и возможность вырваться из узких рамок сериалов... Хотя я, честно сказать, не понимаю, чем этих артистов сериалы не устраивают: более или менее постоянная работа – во всяком случае, на длительный срок, особенно если удастся продержаться несколько сезонов! Но все отчего-то рвутся на большой экран.

– Ты сказала...

– Да помню я, помню! Короче, по слухам, Бузякину утвердили на роль. Дело уже было на мази, но она вдруг начала стремительно толстеть, а это, как ты понимаешь, ролью не предусмотрено.

– А что с ней случилось? – прервала подругу Алла. – Лариса ведь всегда была стройной!

– Не знаю точно, что произошло. Болтали, что она какое-то время назад в аварию попала, но ведь от этого не толстеют, верно? Когда я увидела ее на каком-то случайном снимке в Интернете, сделанном папарацци, чуть со стула не свалилась – да она почти как я стала весить!

– Странно, – покачала головой Алла. – Для сбоя в обмене веществ обычно есть причины!

– Может, гормоны? – предположила адвокатесса, задумчиво жуя кусочек заливного. – Ранний климакс? Говорят, такое случается.

– И все же ей удалось похудеть!

– Да, и быстро! И, как видишь, роль досталась ей, а до этого продюсер – вон он сидит, по правую руку от Ларисы, – планировал ее заменить Иваковой. Они примерно одного типа, а возраст Ольги больше соответствует роли. Но теперь об этом говорить не приходится, ведь Бузякина снова в седле!

В этот момент официанты, обслуживающие ужин, внесли горячее, и Марина потеряла интерес к беседе, с вожделением втягивая ноздрями аппетитные ароматы. Алла с ужасом смотрела, как гигантские блюда с жареным мясом водружаются на столе. За ними последовала семга, запеченная с какими-то заморскими фруктами, целая форель на гриле и карп в сметанном соусе. Добрая поставит ее к стенке и расстреляет морковь и сельдереем из помпового ружья!

Чтобы не глядеть на еду, Алла перевела взгляд на противоположный конец стола, где в окружении ближайших приятелей восседала Лариса Бузякина. Она с интересом отметила, что тарелка актрисы так и осталась пустой. Официант попытался положить ей кусок мяса, но она лишь скривилась и отмахнулась от него, как от назойливого насекомого. И как ей удастся равнодушно наблюдать за жадно поглощающими всю эту вкуснятину гостями? Не похоже, чтобы Бузякина страдала! А вот Алла едва сдерживалась, чтобы не навалить себе полную тарелку с горкой. Зато от нее не укрылся тот факт, что Лариса то и дело прикладывает к бокалу, а услужливые официанты постоянно ей подливают. Может, из-за этого ее прозрачные голубые глаза кажутся остекленевшими? Если она не начнет закусывать, то скоро окажется под столом! Актриса уже проявляла признаки опьянения: ее речь стала громче, она часто смеялась, а рука все с большим трудом нащупывала тонкую ножку бокала. Алла напрягла слух, пытаясь уловить, о чем идет разговор.

– ...невероятного результата! – донеслись до нее слова Ивана Парахневича. – Сколько, говоришь, ты сбросила?

– Тридцать четыре кило! – с гордостью отвечала Бузякина. – Страшно представить, да? – Актриса запрокинула голову и расхохоталась. Смех ее показался Алле наигранным.

– Какие-то таблетки? – продолжал допытываться продюсер. Он подсознательно положил руку на сильно выпирающее брюшко, и Алла поняла, что его интерес отнюдь не праздный. – Тайские?

– Что ты, дорогуша, ты же знаешь мое отношение ко всякой «химии»! – с возмущением затрясла тщательно уложенными кудрями Лариса. – Только натуральные способы, уверяю тебя! Вакуумный массаж – это просто чудо какое-то, понимаешь? После каждой процедуры теряешь по паре кило!

– Я пробовала массаж – полное фуфло! – лениво вставила свои пять копеек Ивакова. – Может, граммов триста и уходит, но за обедом они возвращаются и приводят с собой еще пятьсот!

– Ну не один же массаж, Оля, это и ежу понятно! – поморщилась Лариса, словно беседовала с умственно отсталой или ребенком. – Еще диета, водоросли... Знаете, эти японские водоросли невероятно полезны: они выводят токсины и помогают организму убирать излишки жидкости! А еще йога.

– Йога помогает, только если заниматься регулярно и годами, – снова вмешалась Ивакова.

– А это не простая йога, – возразила Бузякина, глядя на соперницу с чувством превосходства. – Особая йогическая практика. Долго объяснять, но она основана на дыхательной гимнастике и наборе специальных упражнений... И, само собой, сила воли – без этого ничего не выйдет!

Вот оно – сила воли, только где ее взять? Когда в холодильнике мышь повесилась, еще можно как-то продержаться, не испытывая соблазна, но что делать, если вокруг тебя ломаются столы?! Бузякину это, видимо, нисколько не беспокоило: она налегала на шампанское, скользя пустым, ничего не выражающим взглядом по источающим головокружительные запахи блюдам.

Алла старалась жевать как можно медленнее – Добрая говорила, что такой способ позволяет быстрее насыщаться малым количеством пищи. Она больше не глядела на Марину, так как та с олимпийской скоростью уписывала здоровенные куски мяса и рыбы, дополняя их сырами и паштетами из плетеных корзин. Алла смотрела только в собственную тарелку и, изредка, на другой конец стола, где сидела Бузякина и другие знаменитости. В какой-то момент актриса извинилась и встала, заявив, что ей пора припудрить носик. Нетвердой походкой она направилась к выходу из зала, и это послужило сигналом для всех, кто тоже хотел выйти из-за стола. Алла вскочила одной из первых.

– Ты куда? – спросила Марина, протягивая руку за очередным куском «Грюйера».

– В туалет. Ты в курсе, как его найти?

– Могу предположить, что туалет тут не один!

Спросив у проходившей мимо официантки, где располагается уборная, Алла поднялась на второй этаж. Здесь не оказалось ни души – даже странно, учитывая, сколько народу в доме. Вдоль длинного коридора было множество дверей, и Алла спросила себя, каково это – жить в таком большом особняке. Семья Бузякиной определенно меньше, чем количество прислуги! Несмотря на то что Алла не отказалась бы от квартиры побольше, она ни за что не потерпела бы на своей жилплощади посторонних. Кроме того, она не представляла, как командовать домашним персоналом. Алла умела руководить, ведь под ее началом находились взрослые, сильные мужчины, каждый со своими «тараканами» в голове, но это не шло ни в какое сравнение с управлением прислугой!

Проходя мимо одной из дверей, которая оказалась приоткрытой, Алла услышала приглушенные голоса. Ей следовало пройти мимо, ведь она в чужом доме и не должна проявлять излишнего любопытства. Однако Алла не смогла справиться с собой и притормозила, пытаясь разобрать, о чем речь.

– ...скажу, скажу, я же обещал! – раздраженно говорил мужской голос.

– Ты уже давно обещаешь, но ничего не происходит! – плаксиво отвечал женский. – И ты продолжаешь с ней спать – думаешь, я не в курсе?!

– Это неправда, между нами давно ничего нет.

– Врешь ты все! Она замужем – ты, случайно, не запямятовал? А ты работаешь на моего отца!

– Милая, ты же понимаешь, что мы не можем просто так во всем признаться, да? Слишком многое завязано на Ларисе...

– Отец вернется, вот увидишь! Неужели ты думаешь, что он будет бегать до глубокой старости? ОБЭП до сих пор не смог ничего доказать!

– За твоего папашу крепко взялись, и может случиться, что он никогда не вернется, а Лариса окажется единоличной владелицей всего, что заработал твой отец за все эти годы.

– Если ОБЭП доберется до папы, то... Ты считаешь, мы можем лишиться всего?

– Если они докажут, что Лариса – лишь формальный собственник, то да. Конечно, у нее вряд ли отберут недвижимость, но ведь российские счета твоего отца арестованы – могут и до ее счета добраться!

– И что делать?

– Не забывай себе голову, я над этим работаю. Давай-ка успокойся и вытри глазки – тебе вредно плакать!

Алла быстро зашла за угол, чтобы избежать встречи с выходящими из комнаты людьми. Несомненно, женщина – дочь Бузякиной, но кто мужчина? Алле было очень интересно, но она не решилась заглянуть за угол из опасения, что ее заметят. В конце концов, это дело ОБЭПа, и в ее обязанности не входит оказывать им помощь – сами разберутся! Да и что, собственно, она такого узнала?

Решительно тряхнув волосами, избавляясь от остатков любопытства, Алла зашагала к туалету. Закончив дела, она снова вышла в коридор и огляделась. Возвращаться в столовую не хотелось – там снова возникнет куча соблазнов, а ведь очередь до десерта еще даже не дошла – страшно представить, что подадут в завершение трапезы... Нет, с этим пора завязывать!

– Уходите? – вежливо поинтересовалась горничная, подавая ей дубленку.

– Хочу немного прогуляться по саду. Можно?

– О, разумеется! Сад большой, и фонари горят – вам понравится. Хотя довольно холодно, так что не задерживайтесь снаружи: мне на мобильный пришло предупреждение, что ожидается метель! И еще одно: не выходите, пожалуйста, за территорию.

– Почему? – удивилась Алла.

– Ну темно уже... – Горничная как-то странно стрельнула глазами в сторону двери. – А еще там, за забором, палаточный лагерь.

– Какой, простите, лагерь?

– Ну, бомжи там живут, понимаете?

– Что, прямо рядом с особняком?

– В подлеске. Там, дальше, дачные домики, и бомжи... ну они людям строиться помогают, мелкий ремонт делают. Вы не подумайте, они мирные, но если хлебнут лишку... Короче, сами понимаете!

Поблагодарив предупредительную горничную, Алла вышла за дверь и с наслаждением вдохнула морозный воздух. В темном небе кружились снежинки, словно крошечные балерины, танцующие замысловатый танец, неизменно заканчивающийся на земле. Сугробов еще не навалило, но землю покрывала тонкая корка льда, припорошенная снежком, – опасное время для пешеходов, да и для автомобилистов тоже. Горящие в садовых аллеях фонари придавали снежинкам таинственное свечение, словно они несли в себе невидимые глазу источники света. Алла оглянулась на дом: какой же это все-таки монстр! Интересно, в какую сумму обошлось строительство? Здание «косило» под старинный особняк, хотя строители явно сэкономили на внешней отделке, и кое-где лепнина уже начала осыпаться. Если муж Бузякиной не вернется, сможет ли она поддерживать такую махину в надлежащем состоянии? Ларисе придется избавляться от дорожной недвижимости, но кто купит такое... «великолепие»?!

Громкий визг резанул Аллу по ушам, и она вздрогнула: он донесся не изнутри дома, а, похоже, с обратной его стороны, выходящей к лесополосе. Вопль повторился еще громче, еще надрывнее, и Алла, скользя по покрытой льдом дорожке, поспешила на звук. Обогнув строение, она вышла в тускло освещенный внутренний двор и застыла, пораженная открывшимся перед ней видом. На газоне, запорошенном снежком, сидела та самая любезная горничная, которая предупредила ее о возможном изменении погоды и о бомжах. Рядом с женщи-

ной валялся зеленый пуховик – видимо, она накинула его на плечи, когда ненадолго вышла из дома. Но, разумеется, не горничная, и даже не ее дикий, испуганный взгляд и скривившийся в гримасу рот произвели на Аллу такое сильное впечатление, а тело, застывшее в нескольких шагах от нее. Женщина лежала ничком, и лица было не разглядеть, но этого и не требовалось: голубое, отороченное мехом платье, обтягивающее стройное тело и переливающееся в неярком свете фонаря, висящего над черным входом, не оставляло сомнений, что это – Лариса Бузякина!

Опомнившись, Алла приблизилась и попыталась прощупать пульс на шее актрисы – его не было. Вокруг головы расплывалось маленькое пятно темной маслянистой жидкости. Крови было немного. Задрав голову, Алла увидела балкон на втором этаже – очевидно, с него и упала звезда сериалов. Странно, не так уж и высоко – люди, падающие и с более значительной высоты, нередко выживают!

– Что тут происходит?! – раздался громкий голос. Обернувшись, Алла увидела Ивана Паракшевича, и он был не один: за его спиной толпились десятка два гостей – судя по всему, они тоже слышали крики горничной, обнаружившей труп хозяйки.

– Ла... риса? – не веря собственным глазам, пробормотал между тем продюсер, подходя ближе. – Как это? Что... что, черт подери, произошло?!

Кто-то из толпы, сдернув с себя куртку, попытался накрыть тело, но Алла решительным жестом остановила его.

– Никому ничего не трогать! – рявкнула она. Алла боялась, что силы ее голоса не хватит, чтобы перекрыть поднявшийся гвалт, но сама удивилась, какое впечатление произвел ее окрик: наступила прямо-таки мертвая тишина, лишь время от времени прерываемая всхлипами по-прежнему сидящей на газоне горничной.

– Это кто еще? – раздался недоуменный баритон, принадлежавший звезде полицейских сериалов Макару Руденичу.

– Следственный комитет, – привычно ответила Алла, даже не удосужившись извлечь из сумочки документы: она по опыту знала, что заветная фраза обычно снимает вопросы об идентификации личности, слишком уж серьезно звучит – «СК»! И добавила: – Пока не доказано, что произошел несчастный случай, это – место преступления!

* * *

Перед глазами Мономаха плясали разноцветные блики, и он почти не видел людей, сидящих за столом. После двух суток, большей частью проведенных у операционного стола, он не чувствовал ни сил, ни желания в чем-либо разбираться, но избежать разговора не мог. Инцидент произошел в его отделении и, что самое неприятное, с его пациенткой. Мономах мог думать только об одном: успеет ли он выйти из здания больницы двадцать пять часов назад, ничего бы этого не произошло. Ну или в крайнем случае произошло бы в его отсутствие, и он не стоял бы сейчас перед начальственными очами, словно мальчик, которого отчитывают за драку с одноклассником.

На выходе на него налетела медсестра с приемного отделения и, схватив за руку, потащила обратно.

– Ой, Владимир Всеволодович, скорее, пожалуйста, – всем велели срочно вернуться на места! – тараторила она. – Сейчас обзванивают тех, кто сможет приехать помогать... Ой, там такое творится, такое!

– Да что творится-то? – не понял Мономах.

– А вы разве не слышали грохота?

Что-то действительно слышал – очень громкий звук, – но в большом городе в разгар рабочего дня чего только не услышишь, не говоря уже о том, что поблизости расположен военный полигон.

– Неужели теракт? – похолодел Мономах. – Или взрыв газа?

– Авария на перекрестке, прямо напротив нас, представляете? Просто жуть какая-то, нарочно не придумаешь: у грузовика тормоза отказали, и он въехал в пробку – машин просто тьма стояла на светофоре! А грузовик-то был груженный металлической арматурой, и она तो ли вовсе не была закреплена, то ли плохо... Короче, машина на полном ходу перевернулась, груз посыпался на проезжую часть, легковушки – всмятку, что-то взорвалось и горит... Ой, Владимир Всеволодович, в приемном настоящий ад творится!

Все это медсестра говорила, несясь по больничному коридору рядом с ним, ноздря в ноздю. Когда Мономах распахнул двери в приемное отделение, он понял, что она права: количество народу в крохотном помещении зашкаливало, пол был заляпан кровью, туда-сюда сновали люди в форме. Мономах бессознательно отметил, что среди них не было врачей «Скорой помощи», только пожарные и полицейские – видимо, они первыми оказались на месте происшествия и эвакуировали пострадавших в ближайшее медицинское учреждение. Не успел Мономах оглядеться, как к нему подскочил Мейроян. Обычно одетый с иголки, с идеально подстриженной густой шевелюрой и усами, сейчас хирург выглядел взъерошенным, а его белоснежный халат покрывали кровавые пятна.

– Слава богу, вы здесь! – сказал он, перекрикивая плач, стоны и окрики полицейских, пытающихся помочь пожарным и санитарам втиснуть в свободное пространство каталки и носилки. Самых тяжелых пострадавших пришлось укладывать прямо на бетонном полу, подстелив под низ простыню или верхнюю одежду раненых. Приемное отделение напоминало поле боя.

– Пациентов, пришедших по записи на плановую госпитализацию, отправили домой, – продолжал Мейроян. – Часть из тех, кого притащили сюда, придется перенаправить в Джанелидзе или ФГБУ¹, ведь у нас нет ожогового центра, да и вообще... Черт, не приспособлены мы для оказания экстренной помощи!

– С ними связались? – отрывисто спросил Мономах, затравленно озираясь по сторонам. – Они едут?

– Едут, но в городе пробки – час пик ведь, черт его дери! Трех я определил к нам, в ТОН², но тут полно народу с повреждениями позвоночника, и ни мы, ни Тактаров всех принять не сможем.

– Не паникуйте, Севан, – пробормотал Мономах, – поставим дополнительные койки... Санитары!

С той минуты, как он вошел в приемное отделение, у Мономаха было всего несколько коротких перерывов – на кофе и на перекус (благослови господь Алину, самую лучшую медсестричку в отделении, которым он руководил: она принесла начальнику бутерброды и домашний винегрет). Еще ему удалось немного вздремнуть под бдительной охраной санитарки тети Глаши, которая в течение часа держала оборону возле его кабинета, не позволяя никому нарушить покой заведующего. Ни один пациент не погиб, они сумели спасти всех. Тактаров в травматологии потерял троих. И вот, после всего случившегося, Мономах вынужден стоять здесь и выслушивать вопли Муратова из-за того, что в отсутствие наблюдения – из-за суматохи, творящейся во всех отделениях, – пациентка умудрилась свести счеты с жизнью!

¹ Институт скорой помощи имени И. И. Джанелидзе, ФГБУ – Всероссийский центр экстренной и радиационной медицины имени А. М. Никифорова МЧС России.

² ТОН – травматолого-ортопедическо-неврологическое отделение.

– Почему на посту не оказалось медсестры, Владимир Всеволодович? – сурово сдвинув кустистые брови, вопрошал Муратов. Он определенно работал на публику, а именно – на мужчину и женщину, расположившихся за столом напротив кресла главврача. Женщина приходилась погибшей матерью, кем был мужчина, Мономах не уловил.

– Потому что постовая сестра занималась приемом пострадавших в аварии, – деревянным голосом ответил он на вопрос. – Как и почти все сестры практически в каждом отделении больницы.

– Мы сейчас говорим о вашем отделении, Владимир Всеволодович! – отмахнулся от его резонов главный, делая ударение на слове «вашем». – Как вообще девочка могла выйти на крышу?!

Мономах и сам удивлялся. То, что пациенты открыли окно, в порядке вещей: в это время года коммунальщики обычно стараются сверх меры и топят по максимуму, отчего перегруженные койками небольшие палаты становятся похожи на настоящие душегубки. Но вот то, что пациентка зачем-то вылезла через это окно на крышу соседнего нижестоящего корпуса, здравому объяснению не поддавалось. В палате в это время находилась лишь одна лежащая больная, которая, в силу своего положения, не смогла помешать девице сделать то, что она сделала. Она догадалась нажать на кнопку вызова медперсонала, но медсестры, включая постовую, занимались тяжелыми вновь прибывшими, поэтому реакция последовала слишком поздно, и девочка сорвалась.

Калерия Куликова входила в балетную труппу Мариинского театра. Полгода назад она получила травму коленного сустава. Кажется, это случилось во время репетиции – вроде бы девушку уронил партнер. Поначалу Калерия даже не обратила на это внимания: она чувствовала боль, но представители ее профессии привычны к таким вещам, и она испугалась лишь тогда, когда не сумела утром встать на ноги – они просто-напросто ее не слушались. Операция помогла юному дарованию подняться и вновь начать ходить, но, само собой, ни о каком скором возвращении в балет речи идти не могло. Неужели это стало причиной суицида?

– В истории болезни написано, что операция Калерии Куликовой прошла успешно? – продолжал Муратов, почему-то с вопросительной интонацией. – Это было несколько месяцев назад, а сейчас она лежала на реабилитации?

– Верно, – признал Мономах. – Я готовил ее к выписке, но возникли кое-какие проблемы.

– Проблемы?

– У Куликовой был значительный недостаток веса...

– Как вы не понимаете, она же балерина – они обязаны следить за фигурой! – вмешалась мать покойной. Ее глаза неестественно блестели, и Мономах предположил, что она находится под действием каких-то сильнодействующих препаратов. Которые, по всей видимости, ей не помогают!

– Владимир Всеволодович, как вес пациентки связан со случившимся? – поинтересовался Муратов. Хотя, пожалуй, «поинтересовался» – не совсем правильное слово: Мономах не сомневался, что главному неинтересно, как все было на самом деле, просто происходящее доставляет ему удовольствие. Муратов спит и видит, как бы убраться Мономаху не только с поста заведующего, но и из вверенной ему больницы. Он не может этого сделать без веских оснований. Имя Владимира Князева хорошо известно в медицинских кругах, ведь он является одним из ведущих врачей-травматологов города, поэтому его увольнение вызвало бы волну недоумения и даже возмущения. Уникальные операции, которые проводятся в ТОНе, зачастую не имеют аналогов. Мономаху удалось собрать под свое крыло лучших врачей, включая иностранных специалистов, и очередь к нему стоит на годы вперед. Это-то и не дает покоя Муратову и его приятелю, врагу и конкуренту Мономаха Тактарову, заву травматологическим отделением. Так что происшествие в ТОНе на руку им обоим, а что, как и почему – дело десятое! И

меньше всего Мономаху хотелось сейчас рассуждать об особенностях профессии Куликовой, однако ему не оставили выбора.

– Недобор веса, как и перебор, имеют прямое отношение к реабилитации пациента с суставными проблемами, – пояснил он сквозь зубы. – А о причинах случившегося мне ничего не известно!

– Сестра сказала, что вы пообещали кормить Калерию насильно, если она не прекратит отказываться от пищи! – всхлипнула мать самоубийцы. – Может, она испугалась...

– Вы хотите сказать, что доктор Князев угрожал вашей дочери? – Муратов едва сдерживался, чтобы не запрыгать от восторга.

– Она была обессилена! – рявкнул Мономах. – Как она могла разрабатывать ногу и восстанавливать двигательную функцию, питаясь одним святым духом?!

– По-моему, слежка за диетой больных не входит в ваши должностные обязанности, доктор! – процедила Куликова.

– Ошибаетесь, входит! Недаром существуют такие понятия как «первый стол», «второй стол» и так далее: вашей дочери было предписано усиленное питание. Конечно, у нас здесь больница, а не мишленовский ресторан, и допускаю, что ваша дочь привыкла к другому рациону. Однако насколько я понимаю, вы не приносили Калерии домашнюю пищу, а нашу она есть отказывалась. Я не представляю, как у нее хватило сил добраться до окна и вылезти на крышу, ведь ее состояние кроме как анемичным не назовешь!

– У моей дочери не было анемии! – возмутилась Куликова. – Она была худенькой, как все балерины – а как вы себе представляете солистку, которую партнер не в состоянии удержать на вытянутых руках? Что, девочке всю жизнь прозябать в кордебалете, имея такой талант?!

– Я не балетмейстер, я – врач, – буркнул Мономах. – Мое дело – поставить больного на ноги и сделать для этого все, что потребуется. Даже кормить внутривенно!

– Владимир Всеволодович... – начал Муратов, но тут в дверь кабинета постучали и, не дожидаясь разрешения, вошли. Вернее, вошла – невысокая блондинка в белом халате со строгим пучком на затылке. Стройная, подтянутая и весьма деловая. Мономах знал, что она входит в состав комиссии по проверке деятельности больницы и лично Муратова на посту главврача. Кажется, ее фамилия Нелидова? В основном комиссия занималась бухгалтерским аудитом, однако включенные в нее врачи-специалисты ходили по отделениям, проверяли историю болезни и беседовали с докторами. Мономаху пока не довелось познакомиться с Нелидовой поближе, но те, кто уже имел это сомнительное удовольствие, утверждали, что она – дама въедливая и невероятно придирчивая.

– Простите, но я только что узнала об ужасной трагедии, случившейся в отделении ТОН, – елейным голоском пропела Нелидова, прикрывая за собой дверь. – Примите мои соболезнования, – обратилась она к родственникам самоубийцы, безошибочно определив, кто эти люди. – Однако, Тимур Айдарович, я не совсем понимаю, зачем здесь присутствует доктор Князев?

– То есть как это – зачем? – набычился главный. – В его отделении...

– Да-да, все так, – перебила Нелидова, – но ведь нам пока не известны причины случившегося, верно? Очевидно, они не имели отношения к безусловно проведенной операции, назначенной схеме лечения и реабилитации больной!

Переведя взгляд на Муратова, Мономах заметил, как толстая шея главврача наливалась кровью. Ему все время казалось, что, не ровен час, главного может хватить удар – любая мелочь выводила его из себя, а тут женщина позволила себе вступить с ним в пререкания, да еще и в присутствии посторонних! Будь Нелидова его подчиненной, он тут же поставил бы ее на место, но, к несчастью Муратова, ее начальство располагалось гораздо выше его кресла, и ее мнение было важно в заключении, которое комиссия должна вынести по окончании проверки.

Муратов не сомневался, что это заключение окажется положительным, ведь он подсуетился заранее, «занес» кому надо... И все же ссориться с Нелидовой не стоило!

– Верно, – с явной неохотой признал он. – Однако налицо вопиющая халатность персонала, не уследившего за пациенткой!

– Помилуйте, Тимур Айдарович, какая халатность? – всплеснула руками член комиссии. – Насколько я могу судить, вины доктора Князева здесь нет: он в тот момент находился в операционной. Медсестры не смогли сразу прибежать в палату, так как занимались экстренно поступившими пострадавшими, а не потому, что распивали чай в сестринской или болтали по телефону! И, наконец, простите, конечно, – она быстро взглянула в сторону родственников юной балерины, – но здесь у нас не детская больница и не психиатрическая лечебница: предполагается, что в палатах лежат взрослые люди, отдающие себе отчет в своих действиях, – врачи и медсестры не обязаны привязывать их к койкам простынями! Владимир Всеволодович, вы разговаривали с пациенткой? – обратилась она к Мономаху.

– По мере необходимости, – ответил он. – Естественно, мы обсуждали схему реабилитации...

– Говорила ли вам Куликова о том, что намерена покончить жизнь самоубийством?

– Разумеется, нет!

– Замечали ли вы в ее состоянии хоть что-то, указывающее на это намерение?

– Нет, но я же не психиатр!

– Вот именно, Владимир Всеволодович, вы – хирург, а не психиатр. Если бы вам показалось, что больная склонна к суициду, вы вызвали бы соответствующего специалиста?

– Само собой. Но у Куликовой были проблемы только с питанием. Я разговаривал с ней, разговаривал с ее матерью... – Мономах мельком взглянул в сторону Куликовой. На лице у той было написано: «Ничего не знаю, впервые слышу!»

– Зачем?

– Пытался убедить ее проконсультироваться с психологом.

– И?

– И она посоветовала мне заниматься своим делом и не лезть в чужое.

– Ясно. Вот видите, Тимур Айдарович, – снова обратилась Нелидова к главному, – нет никакого смысла держать доктора Князева здесь и проводить разбирательство еще до того, как будет готов отчет патологоанатома! Мы понятия не имеем о причинах, подвигнувших бедняжку на столь радикальный шаг. Что же касается возможной халатности персонала... Что ж, тут еще нужно разбираться и разбираться. Обещаю вам, что лично займусь этим случаем и, если кто-то действительно виноват в гибели вашей родственницы, он понесет заслуженное наказание!

Последняя фраза Нелидовой была адресована Куликовой и ее спутнику.

– Ну уж нет, вам не удастся замотать это дело! – воскликнула мать. – Если я не найду правды здесь, то обращусь в другие инстанции!

– Я не могу помешать вам это сделать, – спокойно ответила на это Нелидова. – Но на вашем месте я бы, по крайней мере, дождалась результатов вскрытия. Потом вы можете действовать, как сочтете нужным. А теперь, если позволите, Тимур Айдарович, я украду у вас доктора Князева: он нужен мне по важному делу!

Муратов не нашелся что возразить, и Мономах в сопровождении Нелидовой покинул кабинет, оставив главного наедине с возмущенными родственниками покойной.

– О чем вы хотели со мной поговорить? – спросил Мономах, когда они отошли от вотины главврача на безопасное расстояние.

– Я? – удивленно переспросила Нелидова. – Ну разве что о том, что вам сейчас следует отправиться домой и хорошенько выспаться, ведь двое суток на ногах – это не шутки! Да, и,

Владимир Всеволодович, возьмите такси: в вашем состоянии садиться за руль просто неразумно!

И, оставив ошарашенного Мономаха пялиться ей в спину, Нелидова зашагала к лифту, стуча каблучками.

* * *

– А с чего ты взяла, что это может быть убийство? – недоуменно спросил Дед, когда Алла вкратце изложила ему свою точку зрения по делу. Дед, он же Андрон Петрович Кириенко, генерал-майор юстиции и руководитель следственного управления, являлся непосредственным начальником Аллы. Его совершенно не порадовала новость о том, что его собственная подчиненная стала свидетелем трагического происшествия со звездой сериалов. Еще больше он расстроился, когда она предположила, что гибель Ларисы Бузякиной могла быть и не несчастным случаем. Кириенко, как и большинство его коллег, не любил иметь дело со знаменитостями: эти люди неизменно возбуждают СМИ, особенно если речь идет о чем-то плохом, и находится немало желающих «порулить» следствием, указать «верное» направление и вообще – всячески путаться под ногами, мешая работать.

– Я не до конца уверена, – осторожно ответила на вопрос Алла. – Но, видите ли, Андрон Петрович, есть нестыковки...

– Например?

– Ну, во-первых, если не убийство, тогда – что?

– Да что угодно – несчастный случай, самоубийство, наконец! – развел руками Дед.

– Вот тут-то и начинаются нестыковки, о которых я говорила! Во-первых, с чего бы Бузякиной кончать с собой – у нее карьера только-только начала набирать новые обороты!

– Откуда тебе это известно?

– Так, поговорила кое с кем... За ужином она отлично себя чувствовала, прекрасно выглядела и была само гостеприимство. Человек в таком приподнятом настроении не станет бросаться с балкона!

– Хорошо, а несчастный случай? – не сдавался Дед. – Ты же сама говорила, что Бузякина много пила и почти ничего не ела: может, она вышла на балкон продышаться, голова закружилась от перепада температуры, и...

– Все возможно, – быстро согласилась Алла, – но перила на балконе достаточно высокие – Бузякина не могла просто оступиться! Чтобы упасть, она должна была перегнуться через перила или даже встать на них. Нет, что-то мешает мне в это поверить! Криминалисты нашли на балконе пуговицу – по виду, от свитера или кофты. На Ларисе в тот вечер было шелковое платье без пуговиц – получается, кто-то находился рядом с ней в момент смерти!

– Но ты же понимаешь, что пуговица могла оказаться там раньше, да? Ее могли обронить накануне, а то и вовсе за неделю до вечеринки!

– Она не просто упала, а была вырвана с мясом, Андрон Петрович! – возразила Алла.

– То есть ты предполагаешь наличие борьбы? – задумчиво протянул тот. – А что патолог говорит?

– Вскрытия еще не было – слишком большой наплыв покойников в выходные, а ведь смерть Бузякиной пока не признана криминальной. Но судмедэксперт сказала, что на запястьях и предплечьях жертв... то есть покойной, обнаружены свежие синяки.

– А чьи-то еще пальчики, потожировые следы обнаружены?

– Масса! Одной прислуги в доме Бузякиной человек двадцать. А еще гости...

– Знаешь, подруга, мне кажется, ты нагнетаешь! Может, дело в том, что погибшая – известная личность? Мы всегда думаем, что такие люди не могут, скажем, попасть под машину, переходя улицу в неположенном месте, – их обязательно должны сбить намеренно. Или, к при-

меру, знаменитости не умирают от паленой водки, их непременно травят завистники и прочие недоброжелатели!

– Все не так! – возмутилась Алла, но Дед остановил ее властным взмахом руки.

– Значит так, я даю тебе три дня – как в сказках, помнишь? Если за трое суток у тебя не найдется нормальных доказательств, мы закроем дело о самоубийстве. Ну или несчастном случае. Ты же понимаешь, как меня сейчас прессовать станут?

Алла напустила на себя виноватый вид.

– Ну вот – значит, знаешь. Жду тебя через три дня. Не найдешь оснований для возбуждения по убийству – не обессудь!

* * *

– Так это убийство или нет? – поинтересовался Антон Шеин, старший оперативник Аллиной бригады. Он был не только старше остальных по возрасту, но и наиболее авторитетным из них. Сам Шеин считал, что его жизненный опыт и вовсе незаменим: будучи несколько раз женат и разведен, он справедливо полагал, что прошел все семь кругов ада, попутно выяснив, что рая не существует.

– Пока ищем доказательства для Де... в смысле, для Кириенко, – ответила Алла, усаживаясь на свое место и привычным жестом хватая огрызок карандаша. – И еще – ждем результатов вскрытия Бузякиной. Я надеялась, что его проведет наш новый патолог-эксперт, Иван Гурнов, но у них в больнице что-то случилось – авария, кажется, – и неожиданный наплыв покойников в тамошний морг помешает доктору Гурнову нам помочь. Так что с телом работает другой патологоанатом.

– Алла Гурьевна, а почему вы считаете, что Бузякина... – начал было Александр Белкин, представитель «молодого поколения» в отделе. Едва миновавший двадцатидвухлетний рубеж парень по праву считался самым молодым опером СК в Санкт-Петербурге.

– Ох, Александр, не начинайте! – поморщилась она. – Я только что отвечала на этот вопрос наверху, и мне не хотелось бы повторяться! До тех пор, пока не установлено, что имел место несчастный случай или самоубийство, мы считаем случившееся убийством.

Алла засунула кончик карандаша в рот, и присутствующие как замороженные усталились на следователя: ее привычка, словно бобер, сгрызать в задумчивости карандаши почти до грифеля была им хорошо известна. Шеин даже заметил, что Суркова, похоже, предпочитает канцелярщину твердости НВ – видать, вкус у нее какой-то особенный, не иначе!

– Пока мы ждем, – продолжила она, – давайте поработаем с людьми. В момент гибели Ларисы в доме находилась чертова туча народу, включая обслугу, – кто-нибудь просто обязан был что-то видеть, слышать или хотя бы подозревать!

– Зря потратим время! – процедил Дамир Ахметов, возясь со своим ноутбуком. – Если окажется, что это несчастный случай...

В этот момент кто-то настойчиво и громко постучал в дверь.

– Войдите! – крикнула Алла, и дверь тут же распахнулась настежь, впуслав молодую женщину. Одета незнакомка была в длинную норковую шубу, блестящую, словно слюда, и сапоги на высоченном каблуке (Алла про себя поздравила незнакомку с хорошим чувством равновесия).

– Вы – следователь Суркова? – поинтересовалась вошедшая. – Я вас видела на банкете!

– Неужели?

Алла наморщила лоб, пытаясь припомнить это ничем не примечательное лицо, но не смогла: если она и находилась среди гостей, то ничем особенным себя не проявила.

– Я – дочь Ларисы Бузякиной, Дарья Томина, – представилась посетительница.

– Ах, вот оно что... – Алле тут же вспомнился невольно подслушанный в доме актрисы разговор. Женский голос, вне всяких сомнений, принадлежал Дарье, но кто же был ее собеседник? – Чем мы можем вам помочь?

– Я знаю, все думают, что мама случайно сорвалась с балкона, но я в это не верю. Вы действительно можете помочь: посадите убийцу!

– погодите, – вмешался Антон, приближаясь сбоку неслышно, словно барс, – я правильно понимаю, что вы знаете, кто...

– Разумеется! – перебила девушка, вызываяще выпятив короткий подбородок. Алла заметила, что дочь Ларисы определенно пошла не в нее – вероятнее всего, в отца. Она была коренастой и круглолицей, ничем не напоминая утонченную, высокую мать. За исключением нескольких месяцев, когда Бузякина резко набрала вес, она всегда оставалась тонкой и воздушной. Лариса не могла похвастаться красивым лицом, но фигура была ее визитной карточкой. Дочка здесь явно подкачала, не спасали даже каблук и дорогие шмотки!

– Вы можете назвать имя? – продолжил напирать Антон, игнорируя предупреждающий взгляд Аллы.

– Мою мать убила Инна Гордина! Не знаю, спланировала ли она это или все вышло случайно, но...

– Кто она такая, эта Инна? – прервала девушку Алла: ей не понравилось, что Шеин перехватил инициативу. И не потому, что она являлась сторонницей жесткой субординации, а исключительно из боязни, что его напористость может отпугнуть возможную свидетельницу. Как все мужчины, Антон предпочитал сразу брать быка за рога, а не рассусоливать, медленно приближаясь к сути вопроса.

– Змея она, вот кто! – буквально выплюнула Дарья.

– Вы присядьте-ка, ладно? – предложила Алла, выдвигая ближайший стул. – И объясните толком, какие отношения Инна Гордина имеет к вам и вашей матери!

Аккуратно подобрав полы шубы, Дарья опустилась на сиденье и закинула ногу на ногу. Алла невольно сравнила ее короткие, полные икры «бочоночком» со стройными ногами Ларисы – как же природа порой отдыхает на детях!

– Инна Гордина – дочка дяди Киры... то есть Кириллы Гордина.

– Это тот, которого посадили за махинации с загородной недвижимостью? – встрял Дамир, услышав знакомое имя.

– Правильно, – кивнула Дарья. – Он умер в тюрьме. Но папа сделал все, чтобы его семья не осталась внакладе: он помогал тете Оле, а когда и она умерла, Инна стала жить с нами. Имущество дяди Киры пришлось продать с молотка, чтобы рассчитаться с его долгами, но этого не хватило, и папа, пока мог, отдавал деньги кредиторам из своего кармана. А эта тварь так нам за все отплатила!

– Почему вы считаете, что Инна имеет отношение к гибели вашей матери? – спросила Алла. – На каком основании?

– На том основании, что в тот момент они находились вместе на балконе!

– Откуда вам это известно?

– Да я видела, как Инна туда входила!

– Вы видели их вдвоем?

– Нет, но... я видела, как Инна выскочила оттуда, а потом раздался крик снизу, и я побежала посмотреть, что случилось. А там... там мать, понимаете?!

– Инна, – медленно произнесла Алла, пытаясь прояснить сказанное и одновременно обдумывая полученную информацию, – вы говорите, что фактически стали свидетелем убийства матери?

– Ну... наверное, можно и так сказать, да! – тряхнула головой Дарья.

– Вы видели Инну после?

– Да вы хоть представляете, что я чувствовала в тот момент?! Моя мать умерла, ее убили!
– Скажите, Дарья, а зачем Инне Гординой убивать Ларису?
– Этого я не знаю, – буркнула девушка. – Но вот что я знаю: мать и Инна в последнее время без конца ссорились.

– Из-за чего?

– По-моему, это как-то связано с папой. Почему бы вам у самой Инны не спросить?

Когда Дарья Томина удалилась, получив от Аллы заверения в том, что она обязательно выяснит, что случилось с Бузякиной, в комнате на короткое время установился режим полной тишины. В этой тишине, густой, как сметана, слышалось лишь тиканье часов с боем – подарок Деда на какой-то праздник. Штука дорогая, но чужеродно смотревшаяся на фоне современной, почти спартанской обстановки кабинета.

– Что скажете, коллеги? – поинтересовалась Алла, первой нарушая молчание.

– Пряма цыганочка с выходом! – ухмыльнулся Ахметов. – Нежданчик...

– А мне вот кое-что странным показалось, – задумчиво покачал головой Белкин.

– Ну, Александр, поделитесь с нами, – предложила Алла.

– Не знаю, заметили ли вы, но Дарья назвала Томина папой, а вот Бузякину...

– Она ни разу не назвала ее мамой – только матерью, верно! – перебил Шеин.

– Да, как-то не вяжется с дочерним горем и непреодолимым желанием наказать преступника, – пробормотал Ахметов. – И все-таки с этой Гординой поговорить необходимо!

– Согласна, – кивнула Алла. – Может, мы сразу все и узнаем: послушаем ее версию, выясним насчет алиби.

– Ну, Алла Гурьевна, – хлопнув себя по ляжкам, сказал Антон, – похоже, тут и в самом деле пахивает преступлением!

* * *

Иван Гурнов открыл калитку, и навстречу ему из дома вылетел огромный лохматый зверь. Если бы патологоанатом не знал, что Владимир Князев держит гигантского ирландского волкодава, он, несомненно, наложил бы в штаны и рванул за забор. К счастью, мужчина и собака были знакомы, поэтому Иван лишь ласково потрепал ее по холке и умело предотвратил его наскок себе на грудь (стоя на задних лапах, Жук был одного роста с долговязым Гурновым).

– Ну, и где твой папка? – спросил он и, по понятной причине не дожидаясь ответа от пса, двинулся к дому. Однако не успел Иван дотянуться до ручки, как дверь распахнулась и на пороге нарисовался невысокий, стройный молодой человек восточной наружности.

– Ты кто? – изумился Гурнов, отступив назад и едва не наворачнувшись на ступеньках.

– Я Сархат, – спокойно ответил незнакомец. – А вы?

То, что юноша – именно Сархат, а не Семен или Антон, было ясно и без паспорта, однако Иван был настолько удивлен, увидев в доме друга незнакомого человека, что не сразу нашелся что ответить на такой наглый вопрос. Он знал, что у Мономаха есть домработница, но мальчишка-гастарбайтер, ведущий себя здесь как дома, – дело другое!

– Ты меня в дом-то вступишь? – не отвечая на вопрос, поинтересовался Иван.

– Если вы к дяде Вове, то к нему нельзя, – вполне дружелюбно, но твердо заявил Сархат. – Спит он. Устал очень после суток. Вернее, после двух.

– Я в курсе, – поморщился Гурнов. – А долго спать вредно для здоровья – это я тебе как врач говорю!

– А, так вы тоже... погодите, а вас, случайно, не Иваном зовут?

Вот это да! Выходит, парнишка в курсе его существования, а сам Иван – ни сном ни духом?

– Точно! – кивнул он и, устав стоять в дверях, отодвинул Сархата в сторону и втиснул свое высокое тощее тело в дверной проем. Видимо, их короткая перепалка разбудила Мономаха, потому что из гостиной раздался его заспанный голос:

– Кто там пришел, Сархат?

– Совесть твоя, – отозвался Иван, входя в комнату. Мономах сидел на диване и ерошил руками короткий ежик волос, пытаясь окончательно проснуться. – Я, понимаешь, вкалываю, как раб на плантациях, пытаюсь тебе угодить, а ты трубку не берешь!

– Почему – как раб? – непонимающе уставился на друга Мономах. – И как ты хочешь мне угодить? Который час?

– Половина одиннадцатого. Вечера, естес-с-сно.

– Ого!

– Ну да, даешь стране угля – хоть мелкого, но много!

Гурнов скинул пальто и опустился в мягкое кресло, сложившись пополам, словно кукла-марионетка, и скрестив тонкие ноги с острыми коленками.

– Так что ты там говорил про раба? – повторил вопрос Мономах.

– Я сделал вскрытие твоей девочки – ну той, балетной.

– Когда ты успел?!

– Как только, так сразу. Под шумок. Сам понимаешь, бардак, со всеми этими пострадавшими в аварии, трупы складывают пирамидкой... Но я решил, что с теми товарищами все ясно, а вот с пациенткой твоей... Короче, я решил подсутиться, пока ее родики не разнесли больничку к чертовой матери!

– У них какая-то шишка знакомая есть в комитете?

– Слава богу, не у них, а у кого-то из знакомых, но и этого достаточно, чтобы напугать Муратова!

– Да, он легко пугается, – скривился Мономах. – Особенно если чувствует, что можно перевалить с больной головы на здоровую!

– Ну с тобой у него ничего не выйдет, хоть он из штанов выпрыгнет от усердия: с девочкой определенно произошел несчастный случай.

– Не самоубийство?

– Нет, и я докажу это любому следаку.

– Следаку?

– Один уже скачет по больнице, кузнечик, со всеми балакает. До тебя, значит, еще не добрался?

– Меня Нелидова отправила домой отсыпаться. А с тобой он разговаривал?

– Да, и я сказал ему то же, что говорю тебе: несчастный случай. Думается мне, он придерживается той же точки зрения: баба с возу, кобыле легче! Ты ж понимаешь, с самоубийством возни больше и для них, и для нас.

– Почему ты так уверен? – перебил Мономах. – Я понимаю, если бы девочка вывалилась из окна, но она зачем-то выбралась на крышу!

– Этого тебе ни одна гадалка не объяснит! – развел длинными руками Гурнов. – Черт знает, что там в ее глупой голове могло... Слушая, я ж забыл совсем!

Вскочив с места, Гурнов кинулся в прихожую, где оставил сумку. Вернулся он с бутылкой дорогого коньяка.

– Вот! – гордо водрузив ее на стеклянный столик, сказал он. – Ты меня поишь-поишь мейрояновскими подношениями, а я все не отвечаю. Верно, считаешь меня скупердяем?

Доктор Севан Мейроян и в самом деле частенько угощал Мономаха армянским коньяком, которым снабжала его многочисленная ереванская родня.

– Брось, мне одному столько не осилить! – отмахнулся он.

– А твой приживал что, не пьет? – выгнул лохматую бровь патолог.

- Не спаивай мне молодежь!
- И в мыслях не было – нам больше достанется. Слушай, а откуда он вообще взялся, этот твой Салават?
- Сархат, – поправил Мономах. – Так, пришел...
- Приблудился то есть?
- Ну, можно и так сказать. Крышу с ребятами отремонтировал, а теперь по мелочи подсобляет.
- Он у тебя живет?
- В подсобке. Там есть свет и отопление.
- Я даже не сомневаюсь! Оно тебе надо?
- В смысле?
- С гастарбайтерами вечно проблемы!
- Он хороший парнишка.
- Да я не о том, Вовка! Ты что, вместо отца ему решил стать?
- У него есть отец, только он... ну, за границей, как ты понимаешь.
- Я-то понимаю, только вот, сдаётся мне, ты по Артемке скучаешь, вот и приютил у себя «сиротку»!
- Да не сирота он, говорю же!
- У нас-то здесь – считай, что сирота, но это не твоя печаль. Ты не обязан подбирать иностранных рабочих, давать им кров и трехразовое питание. Он как, за твой счет кормится?
- Нет, разумеется! – возмутился Мономах. – Во-первых, он работает, строит с бригадой дачи по соседству. Кроме того, по хозяйству помогает мне и Марии Семеновне.
- Так тебе, значит, одной домработницы не хватает – еще домработник понадобился? – хмыкнул Гурнов. – Ну ты рабовладелец!
- Давай вернемся к причине твоего визита, ладно? – поморщился Мономах.
- К бутылке, в смысле? Стаканы-то есть у тебя?
- Мономах сходил за бокалами, и Иван разлил коньяк.
- Ты спрашиваешь, почему я настаиваю на несчастном случае? – уточнил он, пригубив напиток и посмаковав его на кончике языка. – Лимончик есть?
- Лимончика нет.
- Жаль... Так вот, у балеринки твоей были проблемы с весом – да ты и сам в курсе, так? Мономах молча кивнул.
- Килограммов семь до нижнего предела нормы не хватало, ее ветром могло сдуть!
- Мамаша считает, что Калерия могла плохо воспринять мою угрозу кормить ее насильно.
- Эта неудавшаяся «Жизель»?
- С чего ты взял...
- Брось, видно же невооруженным глазом: походка, осанка, шея...
- Я, видишь ли, по костям больше, чем по походке!
- Ну а я, как специалист во всех областях, заявляю: у мамыши определенно балетное прошлое. Сама – сухостой, это ладно, в конце концов, возраст позволяет, но дочка, недавно вышедшая из подросткового возраста, ничего не ела, а мать и не думала волноваться!
- Что в желудке?
- Да ни фиги! Как минимум двое суток она не принимала никакой пищи. Мамаша навещала балеринку?
- Каждый день.
- И не приносила гостинцев?
- Я с ней разговаривал, убеждал, что дочери необходимо хорошо питаться, ведь балерина должна быть сильной и выносливой. Кроме того, она должна была выполнять рекомендации

реабилитолога, разрабатывать ногу, но была слишком слаба. По-моему, у матери в одно ухо влетало, а из другого – со свистом вылетало! Все твердила, что главное для балерины, если, конечно, она хочет танцевать главные партии, – удобство партнера: он должен легко поднимать ее, не срывая при этом спину. А для этого, видишь ли, необходим минимальный вес!

– Знаешь, я поглядел, как ты ее ножку собрал – любо-дорого, ни один специалист не придерется! Жалко, что пропадет такой отличный результат!

– Я надеялся, она еще сможет танцевать...

– Она смогла бы, не сомневайся! Если, конечно, не рухнула бы в обморок от недоедания, начав крутить свои фуэте.

– Так ты считаешь, девочка сорвалась с крыши случайно – голова с голодухи закружилась или что?

– Как-то так. Не знаю, зачем она полезла из окна – может, увидела что-то интересное? Ты свое дело сделал: операция прошла полгода назад, и, хоть ты и значился лечащим врачом, наша «белка-летяга» находилась в основном в ведении реабилитолога, так?

Мономах снова кивнул.

– Думаю, кто-то объяснит мамаше, что здесь не психиатрическая лечебница и никого бинтами к койке не приматаывают. Круглосуточный надзор с целью предотвращения инцидентов также не предусмотрен. В худшем случае можно наехать на медсестер, но, учитывая ситуацию с аварией, и это отпадает: девочки занимались делом, и им некогда было следить за желающими размяться лазанием по крышам плановыми пациентами! Это ведь не детская больница, в самом деле, – люди лежат взрослые и, хочется надеяться, сознательные! Я решил, что тебе необходимо услышать о моих выводах раньше, чем другим, я ведь хорошо тебя знаю. А еще лучше я знаком с твоим неизбывным чувством вины – мы с ним старые приятели!

– Ты о чем сейчас?

– О том, что ты постоянно винишь себя, что бы ни случилось, но в этом огромном злом мире не все зависит от тебя! Я знаю, в чем дело, Мономах: как и большинство хирургов, ты страдаешь комплексом бога. Считаешь, что в стенах больницы тебе подвластно все – кости, хрящи, сухожилия, жизнь, смерть... Когда что-то идет не так, внезапно оказывается, что ты уже не бог, а лох... прости, конечно. Слава создателю, меня сия участь миновала!

– Неужели ты никогда не думал о себе как о хозяине царства мертвых?

– О нет, я не Гадес!³ Я – всего лишь скромный лодочник Харон, и моя обязанность – благополучно проводить покойников на тот свет, желательно без приключений. А ты не парься: все ясно как божий день, и Муратову, при всем его желании ляпнуть хотя бы маленькое грязное пятнышко на твою белоснежную репутацию, придется утереться! Что-то подсказывает мне, что он не станет особо стараться тебя замазать, ведь комиссия из Комитета пришла по его душу, а не по твою, и ему сейчас нужно быть очень осторожным. По-моему, Нелидова его не жалует, а она в комиссии номер два – после бухгалтера, само собой! Мне почему-то кажется, она сумеет уладить дело с нашей «попрыгуньей».

– А следовательно?

– Как я уже говорил, он получил мое предварительное заключение. Анализ содержимого желудка и тканей займет время.

– Погоди, зачем такие сложности, девочка ведь разбилась, а не отравилась!

– Меня кое-что насторожило, когда я копался в ее внутренностях.

– Насторожило? – переспросил Мономах, напрягшись.

– Несмотря на юный возраст, у твоей Куликовой внутренние органы были не фонтан.

– Как это?

– Ну, почки и печень в плохом состоянии, сердчишко слабенькое...

³ Гадес, или Аид, бог смерти, повелитель царства мертвых в греко-римской мифологии.

- Как считаешь, от недоедания?
- Вряд ли. Трудно предположить, что она пила по-черному, но, может, что-то принимала?
- В смысле, наркотики?
- Не обязательно наркотики. В наше время народ чего только в себя не кидает – и БАДы всякие, и антидепрессанты... В общем, надо еще выяснить, я ведь только предварительные выводы пока делать могу. Вряд ли покойница была алкоголичкой!
- Все настолько плохо?!
- Хуже некуда.
- Странно, ее анализы при госпитализации были как у космонавта!
- Она делала их у нас?
- Нет, в поликлинике.
- Ну тогда у меня есть все основания утверждать, что анализы, которые тебе всучили, поддельные: не могла она за время пребывания в больнице довести свой организм до такого состояния. Если, конечно, не попивала тайком средства для чистки стекол! Думаю, мамашку можно, как говорил Жванецкий, «прислонить к теплой стенке»: как пить дать у нее рыльце в пушку, ведь подделка документов – серьезное правонарушение!
- Зачем ей это понадобилось?
- Если бы обнаружилось, что есть такая проблема, ты бы отказал ей в госпитализации!
- А им, я так понимаю, кровь из носа требовалась реабилитация?
- Это точно... – пробормотал Мономах. В разговорах с ним Куликова-старшая не упоминала о том, что Калерия может получить главную партию в новой постановке, и для юной балерины это могло стать путевкой в успешную карьеру.
- Выпей, Вовка, – предложил Гурнов, наливая себе вторую порцию и с неодобрением поглядывая на полный бокал собеседника. – Выпей и забудь: твоей вины в этой смерти нет. Муратов – твой главный головняк, но ему сейчас не до тебя – дай бог удержаться на своем месте! Кайсаров не проявлялся?
- Нет, – покачал головой Мономах. Азат Гошгарович Кайсаров занимал высокий пост в Комитете по здравоохранению и, по совместительству, являлся отцом его бывшей любовницы, ныне проходящей психиатрическое лечение в клинике в Арабских Эмиратах⁴. Некоторое время назад Кайсаров завуалированно предложил Мономаху шпионить за главным врачом больницы Муратовым и докладывать ему обо всех «косяках», которые тот допускает в работе. «Косяков» было немало, как по лечебной, так и по административной части, однако больше всего Муратов грешил тем, что свободно распоряжался государственными средствами, главным образом оседавшими в его карманах и карманах его приближенных, – во всяком случае, именно так обстояли дела в отношении премиального фонда, и все об этом знали. Видимо, в Комитете посчитали, что Муратову пора освободить место для кого-то другого, а Кайсарову поручили под него копнуть. Или, что еще вероятнее, сам Кайсаров захотел посадить вместо него своего человечка. Он даже намекнул, что этим самым человечком может стать Мономах, только вот Мономаху такой расклад не понравился. Он не сказал «нет», но и стучать на Муратова не стал. Как выяснилось впоследствии, он сделал правильный выбор: по слухам, Кайсаров планировал сместить Муратова, чтобы заменить его на свою любовницу. Именно по этой причине, прикрытой необходимостью расследовать нецелевое использование госсредств и другие злоупотребления, в больнице работала медико-аудиторская комиссия.
- Ну и хорошо, – вздохнул Гурнов, подталкивая бокал поближе к приятелю. Немного янтарной жидкости при этом выплеснулось на стеклянный столик. – За тебя, брат, и пусть сдохнут все твои враги, о'кей? А еще лучше – заболеют и приползут к тебе лечиться – тогда и отыграешься!

⁴ Читайте об этом в романе Ирины Градовой «Предложение, от которого не отказываются».

* * *

– Получается, вы не можете с точностью сказать, убийство это, самоубийство или несчастный случай?

Алла была разочарована: выводы патологоанатома не проясняли того, что произошло с Ларисой Бузякиной. А она так надеялась, что после вскрытия сможет сообщить Деду что-нибудь путное!

– Верно, не могу, – ответила на вопрос патолог. – Уровень алкоголя в крови довольно высок, да и следы сертралина присутствуют...

– Следы чего, простите?

– Сертралин – это такой антидепрессант. Его обычно используют для лечения депрессии, сочетающейся с перееданием, навязчивыми состояниями и тревожностью. Антидепрессанты ни в коем случае нельзя принимать со спиртным.

– Вы говорили про следы борьбы...

– Говорила, только следы эти, скорее всего, остались от того, что кто-то пытался удерживать жертву за запястья и плечи. Синяки вызваны сильным сдавливанием, а не ударами: никто не избивал потерпевшую, не наносил ей травм, все травмы получены в результате падения. Кстати, балкон расположен не так уж высоко, и жертва вполне могла остаться в живых, но упала она неудачно и сломала шею.

– Как именно она упала?

– Похоже, слишком сильно перегнулась через перила. Они обледенели, как и мраморное напольное покрытие балкона. Скорее всего, ваша Бузякина поскользнулась и упала вниз. Она находилась в состоянии среднего алкогольного опьянения, в желудке у нее не обнаружено ничего, кроме какой-то зелени, которой обычно украшают салаты, и сертралина – могла и голова закружиться.

– А как насчет самоубийства?

– Ну, я думаю, если бы жертва намеревалась свести счеты с жизнью, то попыталась бы взобраться на перила, – пожалала плечами патолог. – Как я уже говорила, балкон расположен невысоко: самоубийцы боятся остаться инвалидами, поэтому действуют наверняка. И потом, вы же сами говорили, что у Бузякиной не было причин так поступать и что она весь вечер находилась в приподнятом настроении, так?

– Так, – согласилась Алла. – А могла жертва оступиться из-за того, что боролась с кем-то? Ну, он или она толкнули ее, и она не удержалась на ногах?

– И такое нельзя исключать: на Бузякиной были туфли с двенадцатисантиметровыми шпильками, тонкими, как булавки... А вам-то самой как удобнее – чтобы это было убийство или несчастный случай?

Алла едва не взорвалась от возмущения: черт подери, что эта тетка себе думает?! Неужели считает, что она пытается подтолкнуть ее к какому-то выводу? Алла впервые работала с этим патологом и не знала ее лично. Ей хотелось, чтобы вскрытие провел Иван Гурнов, в добросовестности и исключительной дотошности которого она была уверена. А эта... Полная, усталая пожилая женщина, абсолютно не заинтересованная в том, чтобы докопаться до сути, доверия не вызвала!

Старший опер не принимал участия в беседе Аллы с патологоанатомом, все время стояв, подпирая плечом стенку и равнодушно взирая на привычный «пейзаж» прозекторской. В холодном, выкрашенном в ослепительно-белый цвет помещении располагались несколько приваренных к полу стальных столов. Один, на колесиках, стоял посередине, и его занимало наполовину прикрытое простынкой тело звезды сериалов. Вдоль стен выстроились морозильные камеры, а в углу примостился гидравлический подъемник. По периметру прозекторской

бежал порядком проржавевший водосточный желоб. Напротив морозильных камер тянулся ряд раковин, на полу, словно свернувшийся кольцами удав, лежал резиновый шланг. Все это он видел уже столько раз, что и не сосчитать!

– Ну что скажете, Антон? – поинтересовалась Алла, когда они с Шеиным вышли на улицу под мелкий, противный снежок, словно острыми иглами режущий кожу лица. Алле показалось, что Шеин занят своими мыслями, не имеющими отношения к расследуемому делу. Она поймала себя на том, что мало знает о коллегах, полагая, что не имеет права вмешиваться в их частную жизнь. Алла была в курсе того, что Антон, большой любитель женского пола, несколько раз разведен и в данный момент свободен – во всяком случае официально. Она понятия не имела, встречается ли он с кем-то, но подозревала, что да: женщины не могут позволить, чтобы столь привлекательная «дичь» долго бегала на воле!

– Что тут говорить? – рассеянно качнул головой Антон. – Ничего определенного она ведь не сказала, верно? То ли самоубийство, то ли несчастный случай. Да и убийство не исключено!

– Судмедэксперт тоже дал неоднозначную оценку случившемуся, – задумчиво покачала головой Алла. – Помните, патолог упомянул высокий каблук Ларисы? Так вот, оба считают, что самоубийца обязательно сняла бы туфли и взобралась на перила – для пущей, так сказать, верности. Она не стала бы «рыбкой» нырять с балкона, рискуя выжить и просто сломать позвоночник!

– А на перила Бузякина не вставала?

– Судя по тому, что в момент падения шпильки были на ней, – нет: она физически не сумела бы влезть на перила в такой амуниции!

– Да-а, согласен – проблематично... Я вообще не понимаю, как вы, женщины, можете носить такие каблучищи и не ломать себе ноги!

– Что касается меня, Антон, я придерживаюсь того же мнения: каблучков выше пяти сантиметров для меня не существует! Но дело не в этом, а в том, что и судмедэксперт, и патолог считают, что для того, чтобы оказаться на земле именно в таком положении, в каком я обнаружила Бузякину, она должна была перегнуться через перила. Допустим, ей никто не помог упасть: что такого она могла увидеть внизу, чтобы так рисковать?

– Человек в подпитии не всегда до конца осознает опасность, – пожал плечами опер. – Может, она недооценила, насколько сильно свесилась? Перила и пол скользкие... Кстати, а как насчет отпечатков пальцев?

– Антон, вы хотя бы отдаленно представляете, сколько народу имело доступ к балкону в доме Ларисы? – скептически выгнула бровь Алла. – В день ее гибели в доме толпилось человек сорок гостей, и каждый из них мог выйти на балкон подышать свежим воздухом, а ведь есть еще обслуга...

– Алла Гурьевна, можно личный вопрос?

– Ну, попробуйте.

– Почему вам-то так хочется, чтобы это было убийство?

– Хочется?

– Я могу понять дочь Бузякиной, ведь родственникам легче смириться с тем, что родного человека убили по какой-то важной причине, нежели поверить, что его гибель была бессмысленной и бесцельной. Для вас это тоже что-то личное?

– Антон, я вовсе не хочу оказаться правой, но есть вещи, которые мешают мне принять более простую версию. Лариса к своим годам наконец добилась того, о чем мечтала всю жизнь – роли в «большом» кино. Для актрисы это – шанс, от которого не отказываются, и она ни за что не поставила бы крест на своей жизни в тот самый момент, когда перед ней только-только замаячил новый рассвет! Вернее, расцвет карьеры. За столом она была весела и оживлена, болтала о будущем – разве человек, планирующий самоубийство, станет так себя вести? Итак, Бузякина была богата, успешна и, судя по всему, счастлива, так с чего бы ей сигать с балкона?!

– А может, что-то произошло между тем, как она поднялась из-за стола в отличном настроении, и тем, как вы обнаружили ее на земле? Что-то, заставившее ее так поступить? И как насчет банального несчастного случая, на который указывают все факты? Со знаменитостями они тоже случаются!

Антон слово в слово выразил точку зрения Деда, и Алле это не понравилось: выходит, только она одна считает, что с этим делом не все чисто? Обидно, когда тебя никто не поддерживает, даже члены собственной команды!

– В любом случае Дамир и Шурка поехали к Инне Гординой, – примирительно резюмировал Шеин, открывая перед следователем дверь своего авто. – Может, беседа с ней что-то прояснит?

* * *

– Инна, вы напрасно отпираетесь, – мягко, но настойчиво увещевал *пока что* свидетельницу Дамир. – Вас видели выходящей с балкона, и вскорости после этого Ларису обнаружили мертвой: нет смысла это отрицать!

– А кто меня видел, можно спросить?

Девушка, сидящая на диване напротив оперов, выглядела напряженной, но не напуганной или виноватой. С другой стороны, Дамир повидал немало убийц, хладнокровно совершивших преступление и нисколько не терзавшихся муками совести, полагая, что у них просто не было другого выхода. Может, Гордина из их числа? Инна совершенно не походила на дочь Бузякиной: скромно одевалась и почти не пользовалась макияжем. Однако пытаясь разглядеть на лице девушки следы переживаний, которые, по-видимому, должна была оставить трагическая гибель женщины, приютившей у себя сироту, Дамир приходил к выводу, что они отсутствуют. Может, Дарья Томина права насчет нее?

– В данный момент это не имеет значения, – уклончиво ответил Ахметов. – Если вы будете привлечены не в качестве свидетеля, а как обвиняемая, тогда все узнаете.

– Как... обвиняемая? – переспросила с запинкой Инна, и ее и без того большие, слегка навывкате, серые глаза расширились. – Вы думаете, это я убила Ларису?!

– Мы проверяем всех, кто мог иметь отношение к ее гибели.

– Но это же несчастный случай! – воскликнула Гордина. – Лариса много выпила и не устояла на своих каблучицах – я всегда говорила, что в ее возрасте не стоит злоупотреблять шпильками! Небось Дашка про меня напела, да? Так вот, я не выходила на балкон, она все врет!

– Зачем Дарье вас оговаривать? – встрял Белкин, сидящий на подлокотнике кресла с дорогой обивкой, переливающейся в приглушенном свете, словно усыпанная драгоценными камнями. – Какая у нее причина?

– Мы, мягко говоря, друг друга недолюбливаем, – пожала плечами Инна. – Дашка думает, что Лариса и дядя Боря не должны были брать меня в дом после смерти папы. Она считает меня приживалкой, у которой нет никаких прав.

– А Лариса, значит, согласилась с мужем и с радостью открыла для вас двери своего дома? – вновь перехватил инициативу Дамир.

– Представьте себе!

– То есть вы с ней ладили?

– Вполне.

– Где вы находились в момент гибели Бузякиной?

– В зале, как и большинство гостей.

– То есть вы не выходили?

– Может, и выходила, но не на балкон! – упрямо вскинув голову, сказала Инна.

– Когда вы слышали крики горничной, где вы находились?

- Я уже сказала – в зале, с другими гостями.
- Кто мог бы подтвердить ваши слова?
- Наверное... ну, там были официанты, которые разносили еду, – они тоже побежали посмотреть, что случилось, когда... когда все произошло.
- А гости?
- Я ни с кем не общалась, – пожалала плечами девушка. – Все они – друзья и знакомые Ларисы, я не вхожу в этот богемный кружок! Меня и на торжество-то не звали, я просто из своей комнаты спустилась, поглазеть.
- Вы же сказали, что у вас с Ларисой были хорошие отношения? – решил уточнить Белкин. – Как же вышло, что она не пригласила вас?
- Ну, это как-то само собой разумелось – я ведь живу в доме и могла в любой момент присоединиться к гостям. Видите ли, я не люблю шума и суеты, а вокруг Ларисы всегда вьется куча людей! Я и не планировала приходить, но потом решила – почему бы и нет? Лариса называла кучу деликатесов, а обычно в доме шаром покати!
- Неужели?
- Я давно не видела, чтобы Лариса что-то ела, – как будто она святым духом питалась! Даже повариху уволила – сказала, не фиг деньги на ее зарплату тратить, раз ей все равно делать нечего. Вы холодильник видели? Двухдверный, здоровенный, как дом, а в нем – только трава какая-то, минеральная вода да соусы всякие, неизвестно зачем нужные!
- Допустим, Лариса ела мало, а как же другие члены семьи?
- Какие – другие? Дашка дома не питается, предпочитает дорогие рестораны, а ради меня одной кто ж станет повариху держать?
- А другая прислуга?
- У нас из постоянных только горничная осталась, Татьяна.
- Но в доме полно людей!
- Раньше так и было, но больше нет: Лариса почти всех уволила. Это она за пару дней до торжества наняла прислугу, чтобы пустить приятелям пыль в глаза!
- У нее были денежные затруднения?
- Мне об этом не известно.
- Инна, а чем вы занимаетесь?
- Учусь в универе. На переводчика. Еще подрабатываю переводами в издательстве. Платят мало, но на карманные расходы хватает.
- Лариса давала вам деньги?
- Нет, только позволяла мне жить в доме. Папа оставил мне сберегательный счет, и я все это время живу на проценты. Там была приличная сумма, но всему приходит конец, и скоро этот источник дохода иссякнет.
- А сама Лариса на что жила?
- Она же актриса...
- Ой, только не говорите, что на актерскую зарплату можно содержать такой домино!
- Наверное, дядя Боря что-то ей оставил?
- Все российские счета Томина арестованы, – заметил Дамир. – Вы об иностранных говорите?
- Я не в курсе финансовых дел дяди Бори и Ларисы. Увольнение поварихи Лариса объясняла исключительно соображениями целесообразности: если все равно никто не питается дома, зачем платить лишние деньги? Но то, что постепенно она избавилась от всей прислуги, за исключением одной горничной, заставляет задуматься о том, что, наверное, у нее и в самом деле возникли денежные проблемы. Последним, кого она рассчитала, стал садовник. Раньше он жил в домике для гостей на территории особняка, потом стал приходить дважды в неделю, а в конце октября Лариса решила, что зимой его услуги и вовсе не требуются, поэтому запла-

тила ему выходное пособие и уволила. Но, как я уже говорила, у нас с Ларисой и Дарьей были отдельные бюджеты, и я не знаю подробностей о состоянии их дел.

– Как думаете, вы останетесь в доме после гибели Ларисы?

– Судя по скандалу, который тем же вечером учинила мне Дарья, вряд ли: она всерьез считает, что я могу быть виновной в случившемся с ее матерью. Это ведь она вам наплела, что видела меня на балконе?

Дамир неопределенно повел плечом.

– Советую присмотреться к Дарье, – продолжила Инна. – У них с Ларисой в последнее время были терки, и они частенько скандалили.

– А причину скандалов вы, случайно, не знаете? – задал вопрос Белкин.

– Дарья считала, что Лариса дает ей слишком мало на расходы. Это правда: в последнее время она урезала ежемесячные выплаты дочери, говоря, что той пора самой зарабатывать себе на жизнь. А еще приглядитесь к Роману Исковому.

– Это кто еще такой? – удивился Ахметов.

– Юрист дяди Бори.

– Разве фирма Томина не прекратила свое существование?

– Да, но Роман, как я подозреваю, по-прежнему ведет его дела. Из-за этого его периодически тягают в ОБЭП, но ни в чем обвинить не могут – он хитрый и изворотливый мужик!

– И какой у него мог быть мотив убить Ларису?

– Они были любовниками.

– В самом деле?

– Шила в мешке не утаишь, когда живешь в одном доме!

– Хорошо, мы все поняли, – кивнул Дамир, решив, что пора закругляться. – Не уезжайте из города: вероятно, нам придется еще встретиться!

* * *

Пот заливал Алле глаза, но она упрямо цеплялась за выступы в искусственной скале, подтягивая тело вверх. Сегодня Мономах решил усложнить «трассу» – впервые за полтора месяца, что она занималась в альпинистском клубе МЧС. Видимо, Алла добилась определенных успехов, хотя, к ее огорчению, на весах это никак не сказывалось. Мономах пытался утешить ее, уверяя, что у нее увеличилась мышечная масса, поэтому весы не показывают существенной разницы, однако его слова Аллу не успокаивали. Она надеялась, худеть будет легче! В первое время все шло отлично: она теряла по килограмму в неделю и, каждое воскресенье вставая на весы, получала стимул двигаться дальше. Однако вот уже почти месяц стрелка весов как будто бы замерла на месте, и Аллу это сильно расстраивало.

Вот и «вершина»! Алла с облегчением взглянула вниз, где стоял пугающий ее Мономах. Черт, как же он ей нравится – просто неприлично! И чего такого она в нем нашла? Не красавец (ну да, у него потрясающие серо-голубые глаза, но на этом – все), невысок (не отличаясь высоким ростом, она предпочитала мужчин-исполинов) и совсем не джентльмен (рубит правду-матку, не любит ходить вокруг да около и разом вываливает тебе на голову все, что любой хорошо воспитанный человек постеснялся бы). Тем не менее у него полно положительных качеств. Во-первых, Мономах, несмотря на то что является коновалом (пардон, хирургом), обладает добрым сердцем и чувствительной натурой. Во-вторых, он – великолепный профессионал в своем деле и имеет репутацию человека, способного поставить на ноги любого, кто еще дышит (причем в прямом смысле выражения – «на ноги»!).

Но Алла отдавала себе отчет в том, что профессионализм – не то качество, которое привлекает ее в нем более всего. Объяснить ее влечение логически невозможно, но и назвать «химией» нельзя: оно возникло не в одночасье, развивалось постепенно, и Алла сама пока не

понимала до конца, переросло ли в нечто большее, чем симпатия и желание физической близости. Она не так давно оправилась после тяжелого разрыва с гражданским мужем, на которого потратила долгих семь лет жизни. Еще два года она оправлялась от стресса и преодолевала затяжную депрессию. Нет, Алла пока не готова к серьезным отношениям, да и Мономах ни разу не дал ей понять, что желает этого. За время знакомства она успела уяснить, какие женщины ему нравятся – совершенно не такие, как она. Мономах привлекают высокие, стройные брюнетки вроде Алсу Кайсаровой. Причем главное в этом сочетании – «высокие» и «стройные» (вполне вероятно, что он не против блондинок). Алла не обманывалась на свой счет: она достаточно привлекательна для некоторого количества мужчин, но не для этого конкретного мужчины.

Он сделал Алле знак рукой спускаться. Путь вниз оказался гораздо легче «восхождения».

– Вы делаете успехи! – с удовлетворением отметил Мономах. – Как ощущения?

– Невероятные! – ответила Алла и не солгала: еще десять минут назад ей казалось, что она скончается, не добравшись и до середины «скалы», но то, что «тренер» так радовался ее маленькой победе над собой, заставляло Аллу одновременно гордиться и испытывать благодарность.

– Ваши конечности стали сильнее, – добавил он, оглядывая ее с головы до пят. – Это означает, что постепенно вы сможете избавиться от проблем с суставами и не станете моим «клиентом»... По меньшей мере в ближайшие двадцать-тридцать лет!

Алла решила счесть это за комплимент: Мономах понятия не имел о такой форме похвалы. С другой стороны, банальные комплименты и ломаного гроша не стоят, не будучи ни в малейшей степени основаны на истинном положении вещей, а слова Мономаха отражали именно то, что он хотел сказать, без налета фальшивой учтивости. Они разошлись по душевым. Переодевшись и подсушив короткие темные волосы феном, Алла отправилась в комнату отдыха. Мономах уже сидел напротив сверкающего пузатыми боками самовара, увенчанного заварочным чайником, словно елка кремлевской звездой. Вид у доктора был задумчивый – он даже не заметил появления Аллы.

– Владимир Всеволодович, вас что-то беспокоит? – осторожно поинтересовалась Алла, не будучи уверенной в его желании делиться своими переживаниями.

– А? – переспросил он.

– Я говорю, у вас ничего плохого не случилось? – повторила она, усаживаясь рядом и пододвигая к себе чашку с блюдцем, которую Мономах предусмотрительно подготовил для нее. – На работе, к примеру... Все хорошо?

– Ну... не совсем, – словно бы нехотя отозвался он.

– Это как-то связано с вашим «любимым» начальником, Муратовым?

– Что? А-а, нет, не связано: Муратов присутствует в моей жизни каждодневно и неизменно, поэтому огорчаться по его поводу не имеет смысла!

– Значит, я права и что-то произошло!

– Честно говоря... Дело в моей пациентке, Калерии Куликовой, молодой балерине. У нее была серьезная травма, и одно время я сомневался, сумеет ли она продолжить танцевальную карьеру или в лучшем случае просто будет ходить.

– Но вы, смею предположить, сделали невозможное и девочка полностью восстановилась?

– Не полностью, но успешно двигалась в этом направлении. Она вернулась в отделение на реабилитацию. Калерия числилась моей пациенткой, но, строго говоря, я лишь выписывал назначения, выстраивая схему лечения, а занимались ею физиотерапевт и реабилитолог.

– Кто-то из них напортачил? – попыталась угадать Алла.

– Никто не напортачил, но девчонка... Короче, она выпрыгнула из окна.

Алла не знала, как реагировать. Мономах больше ничего не добавил к сказанному, и она задала вопрос:

– Сама выпрыгнула или вы подозреваете, что кто-то...

– У нас в тот день настоящий дурдом творился из-за аварии на перекрестке. Доставили кучу пострадавших, некоторые умерли по дороге, и их просто-напросто сгрузили в приемном отделении вместе с живыми. Медсестры были заняты размещением новых пациентов, а больные повывлезали из палат поглядеть, что творится. Калерия оставалась в палате одна, если не считать лежачей старушки. За каким-то лешим ее понесло на крышу через открытое окно!

– То есть сначала она вылезла на крышу, а затем сорвалась?

– Судя по всему, именно так.

– А зачем она туда полезла, не известно?

– Вот в этом-то и загвоздка!

– Занятно... Решила прогуляться и недооценила опасность? Ее что, никто не заметил?

– Внизу царила такая суета, никому и в голову не приходило глядеть наверх. Калерия упала аккурат напротив въезда для машин «Скорой помощи», прямо в момент выгрузки очередных пострадавших. Чудо, что никого не зашибла!

Алла с минуту помолчала, размышляя над услышанным.

– Владимир Всеволодович, – наконец заговорила она, – а вы уверены, что это не было самоубийством?

– Я ни в чем не уверен, – покачал он головой. – Гурнов... ну вы его знаете...

– Разумеется, Иван Гурнов, патологоанатом. И что с ним?

– Он уверен, что это несчастный случай. Но мать девочки считает меня виновным в ее гибели.

– А это еще почему?

– Видимо, потому, что я был с ней чересчур суров.

– И в чем это выразалось?

– Она плохо ела, отказывалась ходить в столовую, хотя я назначил ей общий стол, ведь у нее не было противопоказаний.

– Знаете, больничная еда немного отличается от питания в пятизвездочном отеле, – заметила Алла. – Может, она не хотела есть вашу, простите... баланду?

– Но она вообще ничего не ела! – развел руками Мономах. – Женщины, лежащие с ней в палате, это подтверждают, как и медсестры.

– Может, родственники приносили домашнее?

– В том-то и дело, что нет! Я с матерью Калерии разговаривал, пытался убедить, что даже балерины должны питаться и набираться сил, чтобы восстановление шло быстрее.

– А она что?

– Твердила, что я ничего не смыслю в балете и что танцовщица должна быть легкой, как перышко, а потому не имеет права обжираться. Какое там обжираться – она на маленький скелетик была похожа! Когда ложилась на операцию, выглядела иначе – нормальной, хоть и худенькой.

– И все-таки я не понимаю, почему у матери пациентки к вам претензии!

– Она думает, что я слишком давил на Калерию, заставляя есть. Один раз я действительно пригрозил ей внутривенным кормлением.

– Вы в самом деле намеревались это сделать?

– Да что вы, у меня таких прав нет! Я хотел ее напугать, раз разумные доводы не действовали.

– Так вы считаете, что напугали ее так сильно, что она с крыши скакнула? Бросьте, такие уловки могли подействовать на трехлетнюю, но пациентка была взрослым, сформированным человеком, более того – представительницей весьма суровой профессии, в которой не место

нюням! Вы в курсе, как балерины обходятся друг с другом? Подсыпают в пуанты толченное стекло, портят костюмы, добавляют в грим ацетон – не могли ваши слова повлиять на нее подобным образом!

Мономах ничего не ответил. Алла по выражению лица видела, что не сумела его убедить.

– Владимир Всеволодович, – снова заговорила она, – я понимаю, что вы переживаете – все-таки эта Калерия являлась вашей пациенткой и вы в какой-то степени несли за нее ответственность, но вашей вины в случившемся я не усматриваю. Мы с вами многого не знаем – к примеру, что могло подвигнуть молодую девушку на самоубийство? Кроме того, вы сами сказали, что Гурнов настаивает на несчастном случае, и я склонна доверять его мнению: трудно найти более компетентного патолога! Совсем недавно я как раз хотела обратиться к нему, чтобы... Впрочем, это не имеет значения. Родственники погибшей убиты горем и могут обвинять кого угодно, но это не означает, что они правы, понимаете?

– Знаете, – медленно произнес Мономах, – стыдно признаться, но я...

– Вы – что?

– Когда я узнал о случившемся, то здорово разозлился.

– Разозлились? – удивилась Алла. – Почему?

– Да потому что мне работы своей жалко – отличная была работа. Я очень старался не испортить девчонке будущее! Вы, наверное, считаете меня чудовищным циником?

– Если бы вы были циником, Владимир Всеволодович, мы бы сейчас с вами не разговаривали! А мать вашей балерины придет в себя и, скорее всего, пожалеет о своих обвинениях. Что, кстати, следовательно думает?

– Придерживается точки зрения Гурнова.

– Ну вот вам и ответ! Я не могу освободить вас от тяжелых мыслей, но могу дать совет: не пытайтесь приписывать людям качеств и особенностей поведения, которыми, как вам кажется, они могли бы обладать, не выстраивайте сценариев в своей голове, потому что люди поступают порой необъяснимо, иррационально и совершенно не так, как поступили бы на их месте вы. Вы никогда не будете ни на чьем месте, кроме своего собственного!

– Иногда вы меня пугаете, Алла Гурьевна, – неожиданно признался Мономах, пристально глядя на собеседницу.

– Почему?

– Время от времени вы изрекаете сентенции, какие были бы в пору какому-нибудь философу!

– Философское отношение к жизни – это ведь скорее хорошо, нежели плохо, правда? – улыбнулась Алла, радуясь тому, что у Мономаха поднялось настроение. – Иначе от этой самой жизни недолго и в петлю ползть!

* * *

– Итак, коллеги, прошу отчитаться о проделанной работе, – попросила Алла, когда все члены группы подтянулись в кабинет. – Начнем с вас, Дамир: что дал допрос Инны Гординой?

– Честно говоря, немного, – признался опер. – Гордина отрицает, что у нее была ссора с Бузякиной. Утверждает, что у Дарьи есть основания ее оговаривать.

– Какие? – полюбопытствовала Алла.

– Она выражалась туманно, но, похоже, жилось ей в доме Томина несладко. А теперь, видимо, придется и вовсе убираться: Дарья недвусмысленно дала Инне понять, что не желает ее там видеть.

– То, что ей жилось несладко, вы сами заключили или это Гордина пожаловалась?

– Да она не жаловалась... Понимаете, Инна попала к Томину и Бузякиной год назад, когда ей едва исполнилось восемнадцать. После того как ее отца, Кирилла Гордина, задержали за мошенничество в особо крупных.

– А где, пардон, была ее мать?

– Жена Гордина умерла. У нее был тяжелый онкологический диагноз. Гордин таскал ее из одной клиники в другую, даже за границу с ней ездил несколько раз – ничего не помогло.

– Бедная девочка, – пробормотала Алла, качая головой. – Одним махом лишиться и матери, и отца... Хорошо, что Томин не остался в стороне!

– Он, видимо, счел своим долгом позаботиться о дочери партнера. Лариса не возражала.

– Погодите, а как вышло, что Гордина посадили, а Томина – нет? – вмешался в разговор Белкин. – Они же вместе бизнесом занимались!

– Вот об этом, Александр, вы нам и расскажете! – потерла руки Алла. – После того как все узнаете, хорошо? Посидите в Интернете, поройтесь в наших базах – в общем, как обычно.

– Ладно, – буркнул молодой опер, в очередной раз оценивший правоту поговорицы «язык мой – враг мой».

– Продолжайте, Дамир, – попросила Алла.

– Короче, пока Томина не начали преследовать ребята из ОБЭП, все шло более или менее нормально, но когда он сбежал за границу, его российские счета арестовали, а к заграничным Бузякина доступа не имела. Надо было содержать огромный дом, и это оказалось Ларисе не по силам.

– Она же была звездой! – снова встрял Белкин. – Почему ей не хватало денег?

– Малой, ты хоть представляешь, сколько стоит одна коммуналка в таком особняке? – ответил вместо Аллы Шеин. – А еще прислуге надо зарплату платить!

– Насчет прислуги, – добавил Ахметов, – Бузякина рассчитала всех, кроме одной горничной.

– Надо же! – воскликнула Алла. – А мне казалось, что у Ларисы все чудесно: во всяком случае, в день, когда я присутствовала на торжестве в ее поместье, там было полно обслуживающего персонала!

– Все – нанятые, по словам Инны, – пояснил Ахметов. – Только на один день.

– Зачем это понадобилось?

– Инна говорит, чтобы никто не узнал о том, что финансовые дела Ларисы – не ахти. Она надеялась на новый проект, в котором получила одну из ведущих ролей: гонорар обещал быть приличным.

– А не могла Лариса покончить с собой под гнетом материальных проблем? – задал вопрос Шеин.

– И потерять возможность стать звездой большого кино? – фыркнул Белкин.

– Да кто бы стал затевать такой пир во время чумы? – поддержала его Алла. – Наприглашать кучу народу, закатить застолье – и скакнуть с балкона? Патолог указала мне на интересный факт: балкон расположен достаточно низко, и Бузякина скорее рисковала сломать позвоночник или переломать ноги. В таком случае она не достигла бы цели, да еще и могла остаться лежачим инвалидом, – сомнительно, чтобы Лариса не подумала об этом! Однако странно, что она нуждалась в деньгах, – вряд ли Томин не позаботился о жене и дочери. Он не мог не оставить им какого-нибудь секретного источника доходов... Куда же в одночасье подевались все деньги? До заграничных счетов ОБЭП пока не добрался, так почему же Лариса не могла ими воспользоваться?

– Думаю, Томину пришлось их спрятать, – высказал предположение Шеин. – Понимая, что за ним охотятся и рано или поздно вычислят все его закладки, он наверняка позаботился о том, чтобы себя обезопасить. Может, он сумел обналечить часть денег или, скажем, слил их на чужие счета – временно, без ведома владельцев.

– Такое возможно лишь при содействии работников банка! – с сомнением покачала головой Алла.

– Похоже, без встречи с ребятами из ОБЭП не обойтись, – вздохнул Антон.

– Так они и станут с нами разговаривать! – скривился Дамир. – Это же «белые воротнички», элита!

– Ничего, если понадобится – поговорят, – тряхнула головой Алла. – Нужно только найти правильный подход. Что ни говори, а убийство (если, конечно, это и в самом деле оно) в приоритете: если удастся доказать обэповцам, что нам не обойтись без их информации, они с нами пообщаются. Им отлично известно, что означает формулировка «препятствование расследованию»! Но я пока не уверена, что нам это действительно необходимо. Давайте вернемся к дню смерти Бузякиной. Вы сказали, Дамир, что она наняла службу, – значит, надо с ними поговорить, ведь все, что мы знаем, известно со слов Дарьи Томиной, а она предвзята. Когда в доме столько людей, не может быть, чтобы кто-то еще не видел чего-то интересного! Между прочим, я тоже кое-что видела... Вернее, слышала.

– И что же? – поинтересовался Белкин.

– Когда я шла по коридору в поисках дамской комнаты, то невольно подслушала часть разговора. Тогда я не придавала ему значения, ведь я понятия не имела, ни о чем речь, ни кто разговаривает, но теперь... Теперь я уверена, что слышала Дарью.

– А второй собеседник? – спросил Шеин.

– Не знаю. Я и Дарью не видела, но из беседы стало понятно, что женский голос принадлежал дочери Ларисы. Насколько я понимаю, дочь у нее одна?

– А о чем говорили?

– Да ни о чем особенном. Кажется, женщина спрашивала, когда мужчина намерен все рассказать ее матери, а он отвечал, что обязательно сделает это в ближайшем будущем.

– И все?

– И все.

– Ну, это ни о чем!

– Согласна, сейчас так и выглядит. Возможно, со временем это обретет какой-то смысл? Инна сказала, что вам стоит обратить внимание на Дарью и юриста Томина, – вы смогли с ними побеседовать, Дамир?

– Я не стал разговаривать с дочерью, полагая, что она рассказала нам все, что хотела, и вряд ли скажет больше. А вот этого самого юриста Томина хорошо бы опросить, ведь Гордина утверждает, что он и Бузякина имели романтическую связь!

– Вот это интересно! – обрадовалась Алла. – Ну а вам-то как показалось – врет Инна или говорит правду?

– Ее жизнь в доме Томина и Бузякиной была не сахар, это однозначно. Могла ли она иметь причины для убийства? Не знаю.

– В любом случае если это и убийство, то не запланированное! – заметил Белкин. – Лариса с Инной могли поскандалить, и Бузякина, поскользнувшись, упала!

– Это если мы докажем, что Гордина выходила на балкон в то же время, что и погибшая, – заметил Ахметов.

– А какая причина у Дарьи клеветать на Инну? – возразил молодой опер.

– Ей вряд ли нравилось, что Гордина живет в их доме, ведь не успело остыть тело ее матери, как она потребовала, чтобы Инна убиралась вон! – парировал Дамир.

– В общем, так, – подытожила Алла, – предлагаю следующий план действий. Вы, Александр, займетесь экономической стороной жизни Ларисы: узнайте все, что можно узнать, не привлекая ОБЭП. Дамир, за вами – персонал, нанятый для вечеринки в особняке Бузякиной: необходимо добыть список и поговорить со всеми. Обязательно узнайте, где находился каждый в момент гибели хозяйки. Ну а вы, Антон, займетесь выяснением того, кто присутствовал на

празднике и кто выходил из зала в то же время, что и Бузякина. Могу дать наводку: я заметила в помещении человека с фотоаппаратом. Скорее всего, Лариса пригласила кого-то снимать торжество – вполне вероятно, это штатный фотограф какой-нибудь газеты. Либо Дарья, либо Инна должны знать, кто он такой и как его найти: нам бы оченьгодились снимки, сделанные в тот вечер! А я, пожалуй, поболтаю с единственной постоянной работницей Ларисы, которая обнаружила ее тело. Ну и, само собой, с таинственным юристом Томина. И еще придется встретиться с этой актрисой, Ольгой Иваковой, и продюсером фильма Иваном Парахневичем.

– Зачем? – поинтересовался Белкин.

– Парахневич хорошо знал Ларису, а Ивакова... Она тоже претендовала на роль в новом фильме, но, когда Бузякина вернулась в форму, Парахневич дал Иваковой отставку и взял Ларису.

– Вы считаете, Ивакова избавилась от соперницы?

– Чем черт не шутит? – пожала плечами Алла. – Люди искусства – странные личности, и иногда ради этого самого искусства они готовы на убийство!

* * *

У Мономаха не было времени на рефлексию, так как день выдался на редкость беспокойный. Во-первых, у него были намечены три плановые операции. Во-вторых, часть поступивших в ТОН после аварии пациентов необходимо было перевести в другие отделения, а это требовало оформления кучи бумаг, причем Муратов настаивал, чтобы все делалось в кратчайшие сроки: он хотел выслужиться перед комиссией и показать, что во «вверенном ему учреждении» все точно, как в аптеке. Поэтому страдать должны были все!

Когда Мономах на короткое время оторвался от бумаг и взглянул на часы, то увидел, что стрелки показывают половину восьмого вечера: даже Муратов не имел права требовать, чтобы его врачи ночевали в больнице не во время дежурства! Мономах решительно отодвинул стопку документов и выключил компьютер: в любом случае это может подождать до завтра.

Кто-то тихо, но настойчиво постучал в дверь.

– Войдите! – крикнул Мономах. Интересно, кто мог знать, что он еще не ушел?

Дверь отворилась, и порог переступили симпатичные ножки в аккуратных лодочках на каблуке, принадлежащие не кому иному, как Анне Андреевне Нелидовой, главе комитетской комиссии. Короткий белый халатик, накрахмаленный до морозного хруста и белоснежный, словно бумага для ксероксной печати, как влитой сидел на ее невысокой, ладно скроенной фигуре. Светлые волосы были убраны в скромный низкий пучок на затылке.

– Честно говоря, не надеялась застать вас на рабочем месте, Владимир Всеволодович! – проговорила она, раздвинув губы в улыбке, обнажившей на мгновение не слишком ровные, однако белые и вполне здоровые зубы. – Много бумажной работы? – В ее голосе прозвучало уместное, хотя и неожиданное сочувствие.

– Хватает, – холодно кивнул он, памятуя о том, что этой самой «бумажной работой» он обязан в немалой степени присутствующей в больнице комиссии и, в частности, Нелидовой.

Не дожидаясь приглашения, она грациозно присела на стул напротив его кресла и продолжала:

– Не будем ходить вокруг да около, я здесь, чтобы проинформировать вас о том, что расследование в отношении гибели Калерии Куликовой завершено.

– В самом деле? – переспросил Мономах.

– Я правильно понимаю, что господин Муратов не счел нужным поставить вас в известность?

– Правильно.

– И вы не удивлены?

– Ни в малейшей степени.

– Понятно.

Что, интересно, ей понятно? Мономах спрашивал себя, правдивы ли слухи, принесенные на крыльях информаторов Гурнова: действительно ли Нелидова является любовницей Кайсарова, которую он вознамерился усадить в кресло неудобного кому-то в Комитете Муратова. Или, может, надо брать выше и она работает на кого-то другого – того, кого Кайсарову необходимо умаслить с целью извлечения иной, одному ему известной выгоды? Мономах не мог отделаться от мысли, что Нелидова ведет себя с ним как-то уж слишком по-человечески, что ли, словно они были знакомы раньше. Кайсаров не мог так на нее повлиять, ведь ему не удалось склонить Мономаха к сотрудничеству. Значит, тут что-то другое? Он не любил ситуаций, которых не понимал, а еще боялся, что Кайсаров не оставил попыток использовать его в своих интересах.

– Хочу отметить, – между тем возобновила беседу Нелидова, – вы правильно поступили, переведя пациентов из палаты Куликовой в другие. Несомненно, в нынешних условиях, когда вы были вынуждены принять столько внеплановых пациентов после аварии, вам пришлось нелегко!

– К сожалению, это ничего не изменило, – криво усмехнулся Мономах. – Вновь поступившие пациенты, как выяснилось, отлично проинформированы о случившемся.

– В самом деле?

– Знаете, какой первый вопрос они мне задали, когда я наутро вошел в палату? Правда ли, что здесь недавно покончила с собой пациентка!

– Ну теперь вы можете им объяснить, что все это – ложь и инсинуации!

– Вот как?

– Куликова не покончила с собой, с ней произошел несчастный случай. Следовательно опросил пациентов в той злополучной палате...

– Но лишь одна лежачая присутствовала во время происшествия! – недоуменно возразил Мономах. – И она не смогла ничего объяснить!

– Зато соседки по палате заметили в девушке определенные, гм... странности.

– Странности?

– Вы сами говорили, что она отказывалась есть, верно?

– Но это еще ни о чем...

– Верно, само по себе это ничего не говорит о психическом состоянии больной, однако другие больные поведали следователю, что Куликова вела себя не совсем адекватно.

– Например?

– Она могла подолгу стоять у стенки, упершись в нее лбом, и как будто бы разговаривала сама с собой. Поначалу они думали, что, может, у нее есть гарнитура и она говорит с кем-то по телефону, но потом поняли, что это не так.

– Но я ничего такого не замечал!

– Следователю тоже не сразу удалось получить эту информацию – скорее всего, таких «приступов», если можно так выразиться, было всего несколько, но они имели место, и это нельзя игнорировать.

– У Куликовой не было психиатрического диагноза...

– Вы же понимаете, что этим мало кто гордится, да?

– Но ее мать...

– Допускаю, что она могла не знать. Заболевания вроде шизофрении долгое время протекают латентно, а небольшие закидоны дочери мать могла отнести на счет артистичности ее натуры – знаете ведь, как ранимы и неуравновешенны большинство представителей мира искусства! По выводам патологоанатома и следователя, дело было так. Воспользовавшись отсутствием в палате других больных, пациентка вылезла на крышу – ну так ей захотелось,

понимаете? Мы никогда не узнаем, какими именно мотивами руководствовалась Куликова, однако она немного погуляла там, а потом, поскользнувшись на обледенелом покрытии, сорвалась вниз. Из-за суеты возле подъезда для «Скорых», вызванной аварией, никто не заметил девушку раньше – вероятно, тогда ее успели бы снять до падения, а так... Печально, но ничего не поделаешь!

– Так я не понял, Калерия была психически нездорова или как?

– Следователь предложил матери Куликовой провести посмертную психиатрическую экспертизу, но она наотрез отказалась. Это объяснимо – кому захочется, чтобы за безвременно скончавшейся дочкой тянулся такой шлейф? Скорее всего, ее смерть будут освещать СМИ... Хоть она и не успела стать звездой, но имела для этого все задатки, если верить словам матери: разве хорошо, если имя Калерии будут ассоциировать с психиатрическим диагнозом? Между прочим, просто отлично, что мать отказалась от дополнительной экспертизы, она ведь пыталась обвинить Гурнова в том, что он провел аутопсию без ее согласия!

– У нее все равно ничего бы не вышло: она так и не сподобилась написать отказ от вскрытия, а значит, Иван имел полное право...

– Разумеется, разумеется, – перебила Нелидова, успокаивающе похлопав ладонью по столу. – И все же такое разрешение проблемы – наилучшее, верно? Все довольны: мамаша – что проблема ее дочери не станет известна общественности, а больница – что это не самоубийство, а банальный несчастный случай!

– Довольны?

– Не самое подходящее слово в нашей ситуации, но... Вас больше никто не обвиняет, и вы можете спокойно продолжать делать свою работу, Владимир Всеволодович. Разве не этого вы хотели?

Конечно, этого, но кроме того Мономаху очень хотелось бы знать, что погнало девушку на крышу. Посмертное психиатрическое освидетельствование, скорее всего, закрыло бы тему, но его не будет, а значит, вопросы остаются. Однако разве можно винить в этом Нелидову? Поэтому Мономах, сделав над собой усилие, поблагодарил посетительницу и даже проводил до двери.

Пора было выдвигаться в направлении дома, иначе он не доберется и к ночи, однако у Мономаха внезапно появилась идея, которую он хотел немедленно реализовать. Для этого требовалось снова войти в бывшую палату Калерии. В ней оставалась лишь одна пожилая женщина: как раз в это время пациенты принимали посетителей и либо гуляли по коридору, либо сидели в фойе и смотрели очередную часть бесконечного «сериала» из жизни провинциалки, приехавшей в Москву и вышедшей замуж за престарелого актера. Мономах не являлся поклонником жанра ток-шоу, но даже он не смог избежать того, чтобы узнать о перипетиях последних лет их совместной жизни, так как артисту и его молоденькой жене не перемывал косточки только самый ленивый репортер. Даже больные в палатах во время обхода частенько заводили разговор на эту тему. Вот и сейчас народ в фойе казался поглощенным очередным вбросом «сенсационной» информации.

Пациентка, оставшаяся в палате, встретила зава отделением удивленным взглядом.

– Владимир Всеволодович, вы еще здесь?!

– Уже ухожу, – пробормотал он. – Мне тут надо... кое-что.

Быстрым, размашистым шагом он преодолел расстояние от двери до приоткрытого окна и выглянул наружу. Его интересовал расположенный напротив корпус больницы, соединенный с корпусом, где находилось отделение Мономаха, длинным пролетом почти плоской крыши. Внизу располагался въезд для машин «Скорой помощи». В окнах блока пластической хирургии ярко горел свет. Он почти полностью хозрасчетный, за исключением отделения челюстно-лицевой хирургии, а это означает, что заведующий, Дмитрий Каморин, должен быть еще на

месте. Пожелав пожилой даме спокойной ночи, Мономах вышел в коридор и, направившись к лифту, достал сотовый. Когда в трубке раздался знакомый голос, он сказал:

– Приветствую, Дмитрий Палыч! Ничего, если я сейчас заскочу к тебе ненадолго?

Через пятнадцать минут, переговорив с Камориным, Мономах сидел в отдельной палате пациентки, которой недавно сделали коррекцию носовой перегородки. Женщина выглядела не лучшим образом: отек был довольно большим, под глазами были темные синяки, как у лемура или панды, однако она потрудилась накрасить губы, а волосы и ногти ее находились в идеальном состоянии. Она была облачена в дорогой китайский халат ручной работы, расшитый розовыми фламинго и тропическими цветами. Мономах отметил про себя, что в блоке пластической хирургии редко оказываются бедные пациенты, разве что сверху сбросят квоты и у них неожиданно появится счастливая возможность избавиться от проблем, которые раньше казались неразрешимыми.

– А я-то считала, что у меня галлюцинации! – растерянно пробормотала пациентка Мухина, качая головой. – Понимаете, мне такой наркоз вкололи, что я пришла в себя только часа через три после операции. Встала, голова тяжелая, а тут еще батареи топят так, как будто мы не в Питере, а в Якутске с его морозами!

– Наркоз был хороший! – возмутился Каморин: он не мог вынести несправедливой критики со стороны богатой клиентки, которая, возможно, еще не раз посетит его отделение. – Мы его с боем выбивали, и никто пока не жаловался!

– Да я не жалуюсь, не подумайте, – примирительно махнула холеной рукой пациентка. – Просто я плохо переношу анестезию! Вот, к примеру, в прошлом году я делала грудь...

– Татьяна Валерьевна, можно поближе ко дню операции, пожалуйста? – попросил Мономах, опасаясь, как бы она не решила поведать ему всю свою длинную и, без сомнения, увлекательную историю болезни.

– Ах да, разумеется, – закивала пациентка. – Так вот, голова гудела как пивной котел, стояла невыносимая духота, и я подползла к окну, чтобы его открыть и дыхнуть свежего воздуха. И тут я увидела... ее.

– Ее?

– Девушку. На крыше.

– Так, вы увидели девушку на крыше, я понял. Что вы сделали потом?

– Я? Да я ничего не делала!

– Хорошо, а чем занималась девушка?

– Она танцевала.

– Что-о?! – одновременно вырвалось у обоих мужчин.

– Ну вот, я тоже решила, что схожу с ума. Вернее, я подумала, что это последствия наркоза. Со мной уже случалось нечто похожее, но тогда перед глазами только блохи бегали...

– Татьяна Валерьевна, вы уверены в том, что говорите? – снова попытался вернуть ее в настоящее время Мономах. – Девушка на крыше действительно танцевала?

– Ну да, уверена. Красиво так двигалась, знаете ли, – не так, как молодежь ломается на дискотеках, по-другому... как в театре.

– Вы имеете в виду, она танцевала, как балерина?

– Да, именно. А потом еще встала лицом ко мне и принялась делать реверансы. Знаете, здорово у нее это выходило!

– Вы видели, как она сорвалась?

– Нет. – И без того печальное благодаря синякам лицо пациентки погрузнело еще больше. – Поймите, я ведь думала, что дело в наркозе, не восприняла происходящее всерьез. Ну я отвернулась, а потом смотрю – нет никого на крыше. Вот я и решила, что увидела глюк. А что бы вы подумали? Разве часто балерины на крышах выступают?!

– Вас никто ни в чем не обвиняет, Татьяна Валерьевна, – поспешил успокоить пациентку Каморин.

– Но если бы я... Послушайте, если бы я кого-то позвала, я могла бы ее спасти, да?

– Вряд ли, – покачал головой Мономах. – Девушка поскользнулась на наледи, это был несчастный случай, и вы все равно не успели бы ничего сделать и никого позвать. Спасибо, что согласились поговорить!

Что ж, теперь, пожалуй, и в самом деле можно отправляться домой со спокойной душой: судя по всему, Калерия Куликова имела проблемы с психикой, которые ее мать отказывалась признавать. Слава богу, никто не виноват: юной балерине что-то померещилось, и именно за этим она полезла на крышу. Там, вдруг почему-то решив, что находится на сцене, она принялась «выступать» и даже «раскланиваться» перед несуществующей аудиторией, а в действительности – перед одной-единственной зрительницей, которая сочла танцовщицу галлюцинацией. Печальный итог многообещающей карьеры. Но она хотя бы успела станцевать напоследок.

* * *

Алла решила не вызывать Татьяну Лесину в СК, чтобы не нагонять на и без того испуганную женщину лишнего страха, – она и так пережила сильный стресс, первой обнаружив мертвое тело хозяйки. Алла созвонилась с Татьяной и попросила о встрече. Они договорились на одиннадцать вечера у станции метро «Сенная». Горничная явилась без опоздания, и женщины устроились в круглосуточной чебуречной, которая, несмотря на поздний час, оказалась полна разнообразной клиентурой – от студентов до гастарбайтеров со всех концов бывшего СССР. Из местного короткого меню Алла могла позволить себе только кофе. Татьяна взяла то же самое, и обе присели за угловой столик с видом на оживленную улицу. Неподалеку располагались сразу два театра, Молодежный и Мариинский, в результате чего народу мимо проходило немало: примерно в это время заканчивались спектакли в Молодежном, да и бойкая торговля возле перехода метро не прекращалась до глубокой ночи. После того как приказом городского правительства здесь снесли все ларьки, портящие внешний вид одного из центральных мест Северной столицы, торговцы никуда не делись. Они попросту расставляли на тротуаре временные прилавки и увозили их на личных авто по окончании рабочего дня.

– Я думала, вы ночуете в особняке, – сказала Алла, получив из рук усталой официантки одноразовый стаканчик не самого лучшего кофе. Она немедленно обожгла пальцы и поспешила грохнуть его на стол, едва не расплескав содержимое.

– Так и есть, – кивнула Лесина, аккуратно, двумя пальцами, беря свой эспрессо за самые края стаканчика. – Но сегодня я решила провести ночь дома. Не могу там находиться в темное время суток, понимаете?

Алла кивнула и спросила:

– Так вы местная?

Алла отлично знала, что Татьяна приехала из Тернополя, – навела справки в ФМС.

– Нет, – ответила та, – снимаю комнату у хозяйки. Здесь, рядышком. Знаете, когда работаешь у чужих людей, начинаешь ценить личное пространство и свободное время!

– Несладко приходится у Томиных?

– Да нет, как везде... Они – не самые плохие хозяева, если уж по-честному: пока я к ним не попала, много где потрудиться пришлось. Денег часто недоплачивали, заставляли работать сверхурочно, относились, как к мусору... В смысле, так было в других местах, но Лариса, она по-человечески с нами обращалась, зарплату платила исправно. Когда стала увольнять прислугу, все очень расстроились – где они еще такое место найдут?

– А как давно это произошло?

- Где-то месяцев пять-шесть назад.
- А почему, не знаете?
- Может, у Томина проблемы начались?
- Насколько мне известно, у Томина проблемы уже давно!
- Да, вы правы. Как бы там ни было, Лариса начала потихоньку рассчитывать обслуживающий персонал. Я, садовник и кухарка оставались последними, и я, честно говоря, уже принялась подыскивать себе другое место.
- А почему Лариса уволила кухарку?
- Так она ей стала без надобности. Видите ли, Лариса была гурманкой, но не толстела – конституция такая. Счастливая! А вот опять же около полугода назад вдруг с катушек слетела: принялась мести все подряд, представляете? За пару месяцев разнесло ее – мама не горюй!
- Есть предположения, с чего такая перемена?
- Парочка.
- Поделитесь своими соображениями?
- Ну... Лариса попала в аварию несколько месяцев назад.
- В самом деле?
- Об этом писали в газетах, но не очень много.
- Почему, интересно? СМИ обожают скандалы, связанные со звездами! Кстати, кто был виновником аварии? Кто-то пострадал?
- За рулем был один молодой актер, партнер Ларисы по сериалу. Он сбил двух девушек на автобусной остановке.
- Какой ужас! Насмерть?
- Да.
- Его, значит, посадили?
- Нет.
- Как это?
- Он погиб, прямо на месте. Лариса так переживала, даже запыла... Журналисты тогда ее осаждали, и она заперлась в доме, пару месяцев не выходила.
- Да-а, такое кого угодно выбьет из колеи! Но вы сказали, Татьяна, что у вас не одно предположение – от чего еще Лариса могла сорваться?
- Из-за работы. Ролей не предлагали, Лариса без дела маялась. Она к такому не привыкла, все время ведь вращалась среди людей, на тусовки какие-то ездила, телефон не умолкал... Лариса какая-то дерганая стала, при каждом звонке вздрагивала – наверное, она ждала, что вот, того и гляди, позвонят, пригласят сниматься. Она, конечно, всегда была немного неуравновешенная – артисты, понимаете, да? – но тут вообще переменилась. Раньше она редко позволяла себе кого-то ругать или оскорблять, ко всему легко относилась, а в то время, о котором речь, она как с цепи сорвалась. Одну горничную, молодую девчонку, даже по щеке ударила как-то раз!
- Это за что же?
- Полька, конечно, виновата была, платье дорогое испортила: его в чистку надо было отдать, а она не обратила внимания на ярлычок, постирала в машинке. Но не бить же, в самом деле?!
- Конечно, нет, – согласилась Алла. – Лариса уволила девушку?
- Наоборот – прощения попросила через пару дней, даже подарила ей какую-то цацку, кажется... Лариса была баба незлобивая, но несколько месяцев с ней просто сладу не было! А уж ела... Не ела – жрала, простите за выражение! Кухарка нарадоваться не могла – да что там, даже жаловалась, что готовить не успевает!
- А потом Ларисе роль предложили, и она принялась худеть? – догадалась Алла.

– Выяснилось, что с нынешним весом Ларисы она, если можно так выразиться, в эту роль не влезает! А она понимала, что это – ее последний шанс вернуть былую славу. Героинь ей уже все равно не играть – возраст не тот, а матерей героинь и их престарелых подружек она изображать не хотела, говорила, что это прямой путь в забвение и скоро никто из зрителей не вспомнит ее имени. Все станут говорить: «Ну та, которая играла соседку такой-то известной актрисы!» В последнее время она почти не снималась.

– А на что же она жила?

– На деньги, что приносили телешоу. Там неплохо платят за одно присутствие знаменитости, а уж если она в дискуссию вступит – и того больше. Сразу после бегства Бориса Лариса заключила с одним каналом договор на полгода, чтобы время от времени появляться в передачах и рассказывать о своем муже.

– Интересно, как Томин смотрел на ее участие?

– Да ему-то что? Никаких секретов она не раскрывала, но болтологию обеспечивала, а каналу только этого и надо! А ролей не было, поэтому предложение Парахневича стало для Ларисы спасательным кругом. Не знаю, почему он ее выбрал – может, хорошо относился и понимал, что ей нужна помощь? Да и не мое это, в сущности, дело: я только за свое место переживала! Лариса начала потихоньку увольнять персонал. Раньше нас в доме восемнадцать человек работало, включая садовника, представляете?

– Да, особняк-то ведь огромный!

– Верно, там одной уборки – только закончишь, как уже опять сначала начинать нужно!

– В результате остались только вы и кухарка?

– Да, Надежда. И еще садовник. Но потом Лариса и от него, и от Надежды избавилась. Жалко, хорошая повариха была, такие колбасы наворачивала, такие пироги стряпала... Но Ларисе это вдруг стало без надобности. Она вообще есть перестала – так, салатик огуречный, кефирчик, пару веточек укропа сжует, как телушка на лугу, честное слово!

– Как ей удавалось держаться? Это ведь так сложно – отказаться от еды!

– Вот уж не знаю, – покачала головой горничная. Алла заметила, что она исподтишка разглядывает ее жировые складки, выступающие на поясе в том месте, где застегиваются брюки, и смутилась. Сама Татьяна, хоть и лет на десять старше Аллы, была худенькой и плоской, как стиральная доска.

– Скажите, Татьяна, – снова заговорила Алла, преодолев замешательство (она чувствовала себя не в своей тарелке в присутствии более стройных и, как ей казалось, из-за этого более счастливых и удачливых людей), – как вы оказались на улице в момент гибели вашей хозяйки?

– Вы что, меня подозреваете?! – испугалась горничная, и Алла вновь ощутила себя в своей стихии. В голове у нее мелькнула мысль, что это не совсем честно, ведь она словно бы отыгрывается на Лесиной за собственные комплексы. Ну и ладно, зато ей значительно полегчало!

– Мы подозреваем всех – работа такая, – ответила она не сразу, позволив собеседнице как следует поволноваться. – Так все-таки, почему...

– Я кормила бомжей.

– Что, простите?

– Помните, я вам рассказывала про палаточный лагерь?

– Да, конечно, – кивнула Алла: именно Татьяна предупредила ее, что не стоит без особой надобности выходить за ворота в темное время суток.

– Лариса боролась с этим лагерьем, пыталась натравить на бомжей полицию, но другие соседи, не такие богатые, были против: бомжи берутся за любую работу, денег требуют мало – дешевая рабсила, понимаете?

– Бузякина пыталась выжить бомжей, а вы их подкармливали? – уточнила Алла. – Да еще и с ее стола?

– Господи, да я ж им не севрюгу и икру относилa – так, остатки салатиков, колбаски чуток, пирожков... Да там этого вообще никто не ел – все больше на деликатесы да на дорогой алкоголь налегали!

– Ладно, мы еще к этому вернемся. Значит, вы шли кормить бомжей...

– Я уже возвращалась, – перебила горничная. – А Лариса... она там... лежала. – Нос женщины опасно покраснел, нижняя губа задергалась, и Алла испугалась, что она сейчас разразится рыданиями. Не от жалости к погибшей, а от пережитого стресса: не каждый в такой ситуации способен справиться самостоятельно, некоторым требуется помощь специалиста.

– Знаете, я даже не сразу поняла, что она с балкона упала, – продолжала Татьяна. Речь ее внезапно стала быстрой и сбивчивой, как будто она торопилась выложить как можно больше до того, как чья-то невидимая рука начисто сотрет случившееся из ее памяти. – Подумала, поскользнулась и упала... Неудачно. Я подошла ближе и тут кровь увидела. Не много крови, и я присела на корточки, позвала ее... а у нее глаза раскрыты, как... как у фарфоровой куклы, широко-широко так. И тогда я закричала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.